

Анна Бялко

Счастливый слон

«Октопус»

Бялко А.

Счастливый слон / А. Бялко — «Октопус»,

ISBN 978-5-94887-064-9

Эта книга – современный авантюрный роман. О чем? Конечно, о любви. В том числе к деньгам. В процессе чтения вам предстоит разобраться, при чем тут фея, зачем кому-то сдались волшебные невидимые слоны, кто украл у президента картину, и была ли она украдена вообще.

ISBN 978-5-94887-064-9

© Бялко А.

© Октопус

Содержание

ЧАСТЬ 1. Распад	15
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Анна Бялко

Счастливый слон

Что будет делать мирный городской обыватель, случайно увидев стадо бегущих слонов в центре города в третьем часу ночи? Испугается до потери пульса? Убежит в дальний угол дома, запретя на все замки и спрячется под кровать? Запишется на внеочередной прием к психоаналитику? Даст себе слово не пить ничего крепче колы?

Ничего подобного. То есть ну просто ни капельки. Он страшно обрадуется и тут же сам помчится за этим стадом – разглядеть слонов поподробнее. Да еще детей разбудит и с собой позовет.

По крайней мере так выглядело то, чему мы сами стали невольными свидетелями. При чем мы-то с Ником вообще не пили. Так, по рюмке шерри после спектакля.

Посидев после бродвейского мюзикла в баре и обсудив постановку, мы направились пешком через Манхеттен к одной из дальних парковок, где оставили машину. Суматоха театрального разезда схлынула, до моего домика на Лонг-Айленде доберешься за час, не больше. На улице тепло для конца марта. Можно и пройтись. Но вместо размеренной прогулки мы с Ником неожиданно для себя вдруг оказались затянутыми в водоворот толпы, высыпавшей из ресторанов и театров в предвкушении невиданного зрелища. Она разделила нас, закрутила и повлекла туда, где, собственно, само зрелище и происходило. Вовлеченные в этот круговорот, мы потеряли друг друга, но зато почти немедленно увидели причину окружающего переполоха. Во всяком случае я увидела.

По тридцать четвертой улице, окруженные держащими натянутые веревки униформистами, шли слоны. Дюжина, не меньше. Шли быстро, почти бежали, гуськом, в цепочку, и каждый слон старательно держался хоботом за хвостик того, что был впереди. Так маленький ребенок, боясь потеряться в толпе, держится за мамину юбку. А толпа вокруг была будь здоров. Народ, вывалившийся из баров и ресторанов. Люди с детьми на плечах. Влюбленные, туристы.

На самом первом слоне была переливающаяся красная попона с надписью «Люблю Нью-Йорк!» на одном боку и «Барнум» – на другом. На голове у него стояла прелестная юная девушка, похожая на фею в своем наряде из блесток и кисеи, и жонглировала сверкающими булавами. Как она там держалась при такой скорости, да еще с булавами – непонятно. Время от времени слон подымал ввысь хобот и громко трубил.

Толпа была не столько плотной, сколько суетной. Все старались поглядеть на слонов как можно дольше и бежали вслед за ними вдоль тротуаров, хаотически сталкиваясь друг с другом. Мне, тем не менее, все же удалось пробраться в первые ряды, к самому краю тротуара, и еще застать проходившего мимо то ли восьмого, то ли девятого слона. Нас разделяло пространство не более вытянутой руки. Слоновий бок был серо-шершавым, толстым и кожаным. Немного грязноватым, как запыленным, немного потрескавшимся. От него пахло теплом и прелым сеном, совсем не противно, очень по-домашнему. Как осенью на даче.

Девятый слон, качая бедром, прошел мимо. Десятый, держащийся хоботом за его смешно замотанный в петельку хвост, шумно выдохнул, подступая. Меня обдало горячим слоновьим дыханием. Честное слово, это было практически чудо. И это, похоже, ощущала не я одна.

– Эт надо же, – сказал явно подвыпивший дядечка, стоящий рядом со мной, – такое только в Нью-Йорке увидишь. Выйдешь вот так среди ночи, весь хмель сразу слетит, считай, виски даром пропало.

– Они в Мэдисон-Гарден идут, – пояснил кто-то. – Цирк Барнума приехал. Для них даже Мидтаун-туннель перекрыли, это и газетах вчера было.

– Ну, если в газетах... – Дядечка удовлетворенно вздохнул и стал протискиваться из толпы наружу. Наверное, допивать.

А мне захотелось немедленно, ну просто сейчас же все бросить, убежать из дому, пойти в бродячий цирк и наняться к ним работать – кем угодно, хоть уборщицей, лишь бы взяли. Работать там и каждый день видеть слонов. Я бы с ними подружилась, слоны добрые и умные, я носила бы им яблоки и мыла щеткой, а они дышали бы мне за шиворот мягкими хоботами, вот и было бы счастье. Интересно, зачем им в этом цирке столько слонов? И где они их берут? Ловят в какой-нибудь саванне? Вот тоже классное занятие – ловить слонов. Выслеживать их, долго прячась за колючими кустами, выжидая удобного момента, чтобы потом... Что, собственно, потом? Накинуть лассо? Куда, интересно, слону можно накинуть это самое лассо? Или сетку?

Не надо на слона ничего накидывать. Слоны умные и добрые. К ним надо подойти, уважительно представиться, протянуть руку и доходчиво все объяснить. И тогда он сам с тобой пойдет куда хочешь.

А еще лучше – выращивать себе слонов прямо на месте. Столько, сколько нужно, и таких, каких нужно. И дрессировать их сразу в процессе роста. Тоже ничего себе работка – вон, небось, как у той девушки наверху. А что? Одеваться в блестки, командовать всеми слонами и ездить у них на голове. Можно только позавидовать.

Стоп. Не надо никому завидовать. И убежать никуда не надо, хватит уже. И вообще надо перестать думать на эту тему. Сейчас слоны пройдут, я выберусь из толпы, отыщу Ника, мы сядем в машину и поедем ко мне, в домик на Лонг-Айленде. Может быть, прогуляемся перед сном вдоль моря. Потом заснем, потом проснемся. Пробежка, завтрак, еще одна неспешная прогулка по берегу – привычный уикенд, завершаемый привычным же ужином в ресторане. Потом Ник уедет, потом... Ничего интересного. Нет, я не жалею, в обычное время я очень даже люблю свою размеренно-предсказуемую житейскую рутину, не зря же я так старательно ее выстраивала все это время. Просто пройдет вот так мимо слон, вспомнятся невольно «русские горки»...

В кармане тоненько заверещал мобильник. Ну, так и есть, это Ник меня ищет, чудо случилось, добро пожаловать в обыденную жизнь.

Но чудо, как ни странно, решило продолжиться. Хотя, возможно, это было совсем другое чудо – мы же не можем досконально разбираться в ходе чудес. Так или иначе, оно случилось.

На следующее утро мы почему-то не пошли, как обычно, на море – ночью штормило, а я не люблю гулять среди груд гниющих водорослей. Вместо этого мы решили прогуляться по окрестным городским улочкам, и на одной из них, довольно далеко от моего дома, не уверена даже, что я когда-то раньше сюда доходила, я заприметила раскинувшийся ярдсейл.

Я страшно люблю ярдсейлы, эти субботние мини-распродажи, которые люди устраивают у себя во дворе. Кто-то переезжает, или делает ремонт, или просто вдруг решает избавиться от накопившегося с годами барахла. Тогда он пишет несколько объявлений, развешивает их в округе, а в выходной день вытаскивает это самое барахло на лужайку перед домом. И все желающие или просто проходящие мимо могут от души копаться в заманчивых кучах, покупая за гроши что-нибудь прекрасное. По-моему, замечательный обычай.

И тут я, конечно, тоже не смогла удержаться, попросила недовольного Ника подождать минуточку и пошла исследовать россыпи. Они, правда, были не такими уж большими, время давно перевалило за полдень, и ярдсейл явно подходил к концу, но сбоку, в дальнем углу, я вдруг заметила прислоненную к дереву картину...

Вернее, она буквально прыгнула на меня. То ли, как у бывшей охотничьей собаки, сработали старые инстинкты, то ли в ней на самом деле была та самая притягательная сила, притягивающая настоящим работам, но, едва заметив ее краем глаза, я больше не могла оторваться. Так и косилась туда все время, неторопливо шагая по двору, нагибаясь то тут, то там и небрежно оглядывая остальные выставленные вещи.

Наконец, выдержав положенно-незаинтересованную паузу, я наклонилась к картине и взяла ее в руки, подымая на свет.

Городской, немного наивный пейзаж. Яркие пятна желтоватых домиков с красными крышами и чуть-чуть нарочито скошенными стенами, на которые чем дальше смотреть, тем прямее они будут казаться. Солнечные, теплые краски, многослойные смелые штрихи, «подвешенная» перспектива. Легкий, воздушный, необязательный пейзаж, от которого невозможно отвести глаза. Трудно не узнать этот почерк, слишком уж характерный. Я точно знаю эту манеру. Хорошая подделка. Даже копия, можно сказать. Только если...

Я посмотрела на подпись в углу. Внимательно посмотрела. Заглавная буква Р, потом Ф, потом несколько черных толстых закорючек, потом хвостик чуть тоньше... «Фальковский», или «Фалькович», или... Надо же, и фамилию похожую сочинили, и манеру передать удалось, чистая работа, прямо хоть в салон отдавай. Очень чистая... Но ведь такого же просто не может быть.

– Почем это? – небрежно спросила я у хозяйки ярдсейла. Собственно, это была даже не настоящая хозяйка, а девочка лет тринадцати, которую родители оставили надзирать за оканчивающейся распродажей. Ей явно все это сидело глубоко в печенках, она раскачивалась на гнущем стуле довольно древнего вида и жевала резинку.

– Пятнадцать баксов, – ответила она, не переставая жевать. Разговор наш, естественно, шел по-английски. – Fifteen bucks.

– Are you sure? Ты уверена? – чуть не ляпнула я, но, вовремя прикусив язык, спросила гораздо более небрежным тоном: – Она что, старая?

– Уер. Ага. – И, видимо, все же почуяв во мне покупательский интерес, девочка добавила чуть более оживленно: – Это дедушкина картина. Он привез ее с собой из этого... Как его... Ну, вроде Святого Ленингрэда, еще давно. А сам он умер уже. На ней рама такая красивая, вы поглядите. Правда, мама говорит, к ней вся пыль прилипает...

Я поглядела на раму.

– Ну да. – И добавила, исключительно из чувства порядочности: – Ты не хочешь уточнить у мамы цену?

– Нет! – уверенно ответила девочка. Взглянула на меня и хитро улыбнулась: – О'кей, я расскажу. Мама сказала, что красная цена ей – десятка. А еще сказала, что все, что я наторгую, я могу оставить себе. Мы с девочками собирались в кафе-мороженое...

Я рассмеялась, вытащила из кармана джинсов смятую двадцатидолларовую купюру и протянула девочке.

– Сдачи не надо. Я тоже люблю мороженое, а мне уже вредно. Будь здорова.

– Спасибо, мэм! – радостно отозвалась она.

Так я, переплатив буквально вдвое, стала обладателем картины Фалька за двадцать долларов. Изо всех сил сдерживая дыхание и рвущуюся наружу дрожь удачи, я ничего не сказала об этом Нику на обратном пути, даже несмотря на все его сетования по поводу моего пристрастия ко всякому хламу. Преодолевая зуд в руках, я честно продержалась до вечера, и только проводив Ника, разложила картину на столе в гостиной и разыскала в чулане фонарик, светящий черным светом. Такие продаются за пять долларов в любом хозяйственном, дети часто покупают их для хеллоуинских праздников. Среди прочего они отлично годятся для определения фальшивых купюр – в их луче начинают светиться синтетические частицы современных красителей.

Выдохнув, я выключила верхний свет и направила луч фонарика на подпись в углу картины. Мамочки! Светится! Подпись светится! Не вся – с буквами Р и Ф ничего не произошло, а вот дальше, где она закругляется к концу в неразборчивый хвост... Хвост. Чем бы нам его теперь? Скипидаром, что ли? Нет, лучше льняным маслом сначала или даже слегка влажной салфеткой – вдруг это темпера густая на дописи? Что-то такое у меня стояло в чулане...

Чуть-чуть смочив вонючей жидкостью ватку, я осторожно потерла сверкающий хвостик подписи на холсте. Стирается! Еще немного, и весь «овский» с легкостью отвалился, явив взору подпись мастера в ее первозданном виде. Я сидела над картиной с трясущимися руками. Одно дело – предполагать, и совсем другое – убедиться воочию.

Пожалуй, я навскидку могла бы воссоздать историю этой картины с точностью до мелочей. Дедушка, уезжающий из Питера, не пожелал расставаться с ценнейшей картиной. Очень его понимаю. Разрешение на вывоз картины Фалька, представляющей, как писали в декларациях, «историческую и культурную ценность», никто бы ему, естественно, не дал. И дедушка, судя по всему, призвал на помощь простую народную смекалку, скумекал, дописал к подписи длинный хвост и получил разрешение на вывоз работы никому неведомого автора, с экспертизой на которую никто даже связываться не стал. А то и просто – положил себе картину в чемодан и поехал.

И было это, скорее всего, в самом конце восьмидесятых. В семидесятые в Америку не очень-то и пускали, а тех, кто все-таки умудрялся выехать, обшманивали на таможне до последней нитки, и мастера там тогда работали высочайшего класса. А потом, на заре перестройки, на обломках железного занавеса, среди бардака, творившегося в стране, никому уже не было дела до каких-то картин.

Дедушка приехал, пустил корни, сын – или дочка – выросли уже здесь, укоренились окончательно, родили внучку, которая не говорит ни слова по-русски и не помнит, кто откуда приехал... Что им какой-то дедушкин Фальк? Пыль собирать по стенам? Странно, конечно, картина-то стоит многие и многие тысячи, казалось, должны были бы все-таки знать... Дикие люди. Да даже если б не знали, если б она и не стояла ничего – она же такая милая, эти кривые солнечные домики, на них же просто смотреть, и то радостно, а они ее на ярдсейл. Не говоря уже о дедушкиной памяти.

Слабые угрызения совести, подсказывающие мне пойти и вернуть картину незадачливым владельцам, окончательно растворились. Не буду я им ничего возвращать. И деньги на ней делать тоже не буду, мне и так хватает. Повешу у себя в спальне, буду смотреть по утрам и радоваться.

Фантастическая история. Да еще слоны эти вчерашние, одно к одному. А самое смешное, что все это ведь уже было однажды в моей прошлой жизни. В одной из прошлых. Пусть не совсем так, и скорее, совсем не так, а почти с точностью до наоборот, но ведь было. И совсем не так давно, сколько там прошло, если мерить не жизнью, а реальным, фактическим временем? Три года? Да, как раз три, сейчас ведь тоже весна. Надо же, и всего-то. А казалось – ужасно давно, да к тому же еще и неправда. Потому что поверить в то, что там, в Москве, была та же самая я, и занималась всем тем, чем мне пришлось там заняться, тоже я, отсюда, из домика на Лонг-Айленде около моря, где все так тихо, размеренно и предсказуемо на неделю вперед, практически невозможно. Хотя, может быть, это только так кажется, оттого что я усилием воли запретила себе даже вспоминать ту историю. И думать себе на эту тему запретила. Разве только иногда, краешком мозга, сочинять от нечего делать какие-то нелепые полухудожественные сказки на основе пережитого... Но когда на тебя внезапно напрыгивают слоны одновременно с картинами Фалька, не начать вспоминать довольно трудно... А уж начнешь – не удержишься, чего только себе не насочиняешь, было, не было, уже не разберешь. Да и надо ли?

Знаете ли вы что-нибудь про фей? Кто они такие, где водятся и все остальное? Конечно, вы думаете, что знаете. Кто из нас в детстве не читал сказок. Всем известно, что феи маленькие, полупрозрачные, с крылышками, посыпаны радужной волшебной пылью, живут где-то в лесу, в своей волшебной стране, и целыми днями поют и пляшут. Иногда они появляются среди нас, машут волшебной же палочкой, превращают тыквы в кареты и делают другие добрые дела. Да, еще феи иногда бывают злыми, особенно если они старые,

и тогда они могут всех вокруг усыпить на сто лет или сделать еще какую-нибудь подобную гадость. Все правильно? Я угадала?

Ничего вы не знаете. Все ваши сказочные сведения уже устарели. Современные феи давным-давно вышли из лесу и живут себе прекрасненько прямо тут, среди нас, в городских комфортабельных квартирах. И уж тем более у них нет никакой отдельной страны. Она им и не нужна – феи абсолютно космополитичны. Говоря по-человечески, им все равно, где жить и на каком языке разговаривать, поэтому они довольно легко перемещаются по миру и могут, в принципе, с одинаковой вероятностью обнаружиться где угодно. Что правда, то правда. А в остальном они так же, как и мы, ходят по улицам, сидят в ресторанах и кафе, иногда ездят на работу, кто на своем авто, а кто так даже и вовсе на общественном транспорте, хоть и редко. Ходят по магазинам, посещают выставки и музеи, покупают себе наряды и забегают в парикмахерскую.

Единственное, чем они в этом плане отличаются от простых смертных, так это тем, что наряды сидят на них чуть-чуть лучше, чем на обычных девушках, парикмахер никогда не портит им прически, продукты им всегда достаются самые качественные, а машина, в которой едет фея, никогда не попадает в пробку. Ну, или же пробка немедленно чудесным образом рассасывается. Проекты, которые феи ведут на работе, почти всегда бывают исключительно удачными, а если что-то и не выходит, то виноваты бывают не они, а другие, обыкновенные, сотрудники. В общем все, как у людей.

С одной небольшой только разницей. Феи – не люди. Несмотря на все кажущееся внешнее сходство, это не более чем успешная мимикрия. По сути же своей феи являются существами принципиально другой природы, нежели человеческая. Феи эгоистичны и аморальны. Это, конечно, тоже вполне себе человеческие качества, пусть и не лучшие, но у людей они происходят от внешней испорченности, а феи заполняют ими внутреннюю пустоту – они просто такими созданы. Кроме того, у фей нет ни совести, ни памяти. Зато они могут быть исключительно, просто нечеловечески обаятельны.

Помимо этого обаяния, а, возможно, как раз даже и благодаря ему, феи обладают отлично развитым умением манипулировать людьми. Ну и еще, само собой, они умеют творить чудеса, как это им и положено. Тут, правда, не все так просто, как рассказывается в сказках. Чудеса, как и все в этой жизни, штука далеко не бесплатная – закона сохранения энергии никто не отменял даже для фей. Соответственно, вместе с чудесами на сцене должно появиться и платежное средство. В этом качестве современные феи прекрасно научились использовать обычные человеческие деньги.

Поскольку чудеса все же время от времени приходится совершать хотя бы для поддержания статуса, денег тоже требуется не так уж и мало. Да к тому же феи – существа изнеженные, они любят всевозможный комфорт, что тоже, как известно, способствует. В общем, деньги, и особенно крупные их скопления, могут служить замечательной приманкой для фей.

Точнее было бы, наверное, сказать, что фей притягивают не столько деньги – и вообще не столько материальное, сколько внутреннее, метафизическое, проявление любого успеха. Власть, сила, статус, радость, удовольствие – вот та подлинная валюта, которую принимают и ценят феи внутри себя. Заходя чуть дальше, можно было бы предположить, что феи некоторым образом всем этим питаются.

Но сегодня, в нашем мобильном мире, полном информации, почти все из вышеперечисленного, включая даже самый примитивный житейский комфорт, сводится к тем же самым банальным деньгам, вернее, с легкостью выражается в их исчислении. Так, возможно, было и не всегда, но сейчас трудно представить себе на этом месте что-либо иное, ведь это просто удобно, не говоря уже ни о чем другом. Поэтому получается, что феи любят деньги, и если даже не питаются ими напрямую, то все равно нуждаются в них – образ жизни, который

ведут сегодняшние феи, крайне недешев в этом общем эквиваленте. Где же сегодняшние феи берут нужные им средства?

Конечно, как я уже упоминала, некоторые феи работают. Работают они, естественно, только в охотку, но им за это заодно и платят, и платят немало, иначе у фей не бывает. Работающие феи, как правило, преуспевают, я и об этом уже говорила, но работать хотят не все. А жить нужно каждой фее. Конечно, необходимые для этого материальные средства любая мало-мальски способная фея могла бы, что называется, наколдовать, взмахнув современным эквивалентом волшебной палочки, но это тяжело, и непросто, и требует неоправданных затрат ограниченного ресурса волшебства, что, в свою очередь, может привести к преждевременному старению... Ведь фея имеет силу лишь до тех пор, пока она молода – только до тех пор сохраняется ее волшебство, не осыпается радужная волшебная пыльца. Конечно, в крайних случаях фея именно так и поступает, но ради такой банальности, как деньги... Деньги можно добыть гораздо более легким способом. Потому что управлять людьми, а не предметами, у фей получается гораздо лучше.

Например, мне случилось однажды наблюдать прелестную фею, сидящую в модном московском кафе. Откуда я узнала, что это именно фея? Ну, во-первых, я все-таки немножко научилась их узнавать, а во-вторых, фея выдала себя, совершив на моих глазах акт добычи денег из воздуха, о котором я и собираюсь вам рассказать.

Заказав, как и полагается, нечто прелестно-воздушное, наша фея внезапно обнаружила нехватку материальных средств. Вполне возможно, конечно, что никакой внезапности не было, как, впрочем, и собственно нехватки, об этом нам знать не дано, да это и не главное. Обнаружив досадное обстоятельство, фея, нимало не смутившись, достала мобильный телефон (конечно же, современные феи совершенно не чужды прогресса), потыкала пальчиком кнопочки и мило зачирикала в трубку.

– Дорогой, представляешь, тут получилась такая забавная ситуация. Я сижу в кафе (последовало название и адрес), и вдруг оказалось, что у меня нет с собой денег. Пожалуйста, миленький, выручи меня (тут фея назвала сумму, равную приблизительно двум средним зарплатам обычного человека). Ну да, в течение часа, если можно. Очень жду, миленький.

Нехитрый процесс был повторен пять раз. Заинтересовавшись, я нарочно решила дождаться конца представления. И что же? Из пяти обзвоненных на призыв феи явилось трое. Наверное, это была не самая опытная фея, я полагаю, что от более сильной не ушел бы вообще никто. Но даже эти трое, явившиеся, надо отметить, в разное время и покорно принесли в зубах конверты с материальными благами, обеспечили проказнице не только сегодняшний обед. Не знаю, было ли в этом процессе непосредственно задействовано какое-нибудь волшебство, но результат впечатляющий, согласитесь.

Кстати, в подтверждение своих предыдущих выводов хочу указать вам на один момент, который, возможно, не все из читателей успели отметить. Как вы думаете, чем пообедала фея в рассказанной выше истории? Тем, что заказала и что лежало перед ней на тарелке? Отнюдь. Если она вообще к этому притронулась, то съеденного количества было бы недостаточно для насыщения даже крохотного цыпленка. Вовсе нет, на самом деле фея получила необходимый ей прилив энергии как раз оттого, что по одному ее свисту к ней прибежало несколько человек, готовых к исполнению самого пустячного ее желания. А то, что желание было выражено – ну это-то вы не могли не заметить – в денежном эквиваленте, является подтверждением тезиса о ведущей роли денег в современном мире.

В общем, если грубо называть вещи своими именами (ох, как не любят этого все те же феи, к примеру), феи не являются ничем иным, как определенного рода паразитами. Фу, как это гадко, неизящно и совершенно несвойственно волшебным созданиям, может воскликнуть мой трепетный читатель, и...

Нет, не окажется прав. Я не хотела никого обижать или разочаровывать, я просто применила к воздушным созданиям банальный научный термин. Именно так в биологии называются существа, живущие за счет продуктов жизнедеятельности кого-то другого, не прилагая к этому никаких ответных усилий, только и всего. Что делают наши прелестные феи? Потребляют совершенно определенного рода продукты человеческого труда. Дают ли они при этом что-нибудь взамен? Я как-то не замечала. В конце концов, если название «паразиты» совсем уж не ложится в ваше утонченное восприятие, предлагаю заменить его термином «комары». Они, в конце концов, тоже воздушны и утонченны, а их способ добывания пищи похож на действия фей даже в несколько большей степени.

Еще одним косвенным доказательством обозначенного выше факта может послужить следующее наблюдение. Вы не обращали внимания – вот все те люди, которые добились в жизни определенных вершин успеха – олигархи, политики высокого ранга, звезды шоу-бизнеса и прочее, что только приходит вам в голову, – они счастливы? Казалось бы. Так ведь нет. Предоставленные сами себе, вдалеке от света софитов и восхищенных глаз публики, эти люди всегда нервны, озабочены, напуганы, злобны, подавлены – в общем, подвержены различного рода депрессиям, которые они с большим или меньшим успехом лечат у многочисленных врачей-психотерапевтов (тоже, кстати, одна из любимых феей областей деятельности). Почему это происходит? Да потому, что таких людей почти всегда окружают привлеченные запахом успеха феи (это бывает заметно даже самым невооруженным глазом) и начисто съедают у них все те положительные чувства и эмоции, которые составляют успех в его, если можно так выразиться, внутреннем применении, относительно себя самого.

Еще можно отметить тот забавный момент, что феи, как подлинные паразиты, предпочитают успех, если можно так выразиться, «с душком». То есть полученный каким-нибудь не совсем честным, или очень уж быстрым, или даже, возможно, купленным, украденным – в общем, любым не совсем праведным или достойным способом. «Быстрые деньги», «из грязи в князи», «кто смел, тот и съел» – вот что в первую очередь привлекает фей, как мух на варенье, и вот где они любят собираться особенно быстро и в наибольших количествах.

Кстати, тут же кроется ответ на вопрос, почему феи, как правило, принимают облик прелестных девишек. То, как это происходит, я опишу чуть позже, пока упомяну лишь сам факт. Так как успешны в нашем мире чаще всего мужчины, именно девишке бывает легче приблизиться к жертве на расстояние, с которого можно вести отсасывание эмоций вместе с деньгами. В последнее время, когда и женщинам удается достигать определенных вершин, появилась, кстати, небольшая пока популяция юношей-фей. Они крайне немногочисленны и редки, но, тем не менее, ясно отражают намечающиеся тенденции развития общества.

Феи, в любом своем обличье, действительно могут быть злыми или добрыми, но это не постоянно присущее им качество, а, так сказать, фактор везения. Не их, естественно, везения, а вашего, то есть того, кто с феей непосредственно сталкивается. У каждого может быть плохое настроение, ведь правда? Ну, или характер попасться неважный. То есть я хочу сказать, что каждая фея может быть злой или доброй, это уж как повезет. От столкновения со злой феей, то есть с феей в плохом настроении, действительно могут произойти всякие неприятности, от маленьких до очень даже крупных.

Не помню, упоминала ли я о том, что вообще-то феи, поддаваясь своим минутным настроениям, не могут испытывать обычных человеческих эмоций или привязанностей? В принципе, это логично вытекает из всего того, что я уже успела о них рассказать, но тем не менее. Дело в том, что у фей нет сердца. И никаких других, гораздо менее романтических внутренних органов у них тоже нет, но в данном случае это для нас неважно. Феи не то чтобы совсем бесплотны, они состоят из некоторой специальной субстанции сродни эфиру и воздуху, а человеческие (или какие угодно другие) очертания им придает тонкий поверхностный слой радужной волшебной пылицы. Эта пылица и есть самое главное, что делает фею

феей. Некоторые современные источники полагают, что эта пыльца есть не что иное, как тот самый печально известный гламур, про который многие слышали, но никто не может толком объяснить, откуда он взялся и для чего предназначен. Вполне может быть, что этот слух распустили сами феи для какой-то собственной надобности. Я не буду оспаривать эту версию, и, возможно, какая-то доля истины в ней на самом деле присутствует, хотя мне лично она не кажется ни симпатичной, ни достоверной.

Пыльца вечна. Она никогда не исчезает бесследно и ниоткуда не появляется вновь. В мире постоянно находится строго определенное количество волшебной пыльцы, распределенной в пространстве тем или иным образом. В основном, конечно, она служит именно для образования фей.

Ведь феи не размножаются. У них нет пола и, соответственно, ничего, что так или иначе было бы с ним связано. Новые феи возникают внезапно и сами по себе там, где скопилось необходимо-минимальное количество волшебной пыльцы. Поскольку такая пыльца – субстанция чрезвычайно мощная, природа чувствует такие скопления, и в воздухе возникают определенного рода колебания, завихрения, сгущения, пыльца вовлекается в эти потоки, распределяется нужным образом – вот и получается фея. Чем большее количество пыльцы было задействовано в изначальном процессе, тем могущественнее будет новообразованный экземпляр. Откуда берется свободная пыльца и почему она собирается в одном месте, до конца неизвестно, но можно предположить, что она в определенных ситуациях и просто даже со временем осыпается с уже существующих фей. Ведь феи, хотя и не умирают в нашем понимании этого процесса, тоже не вечны. По мере осыпания с них волшебной пыльцы они блекнут, стареют, теряют свои магические свойства и в конце концов, судя по всему, просто растворяются в воздухе, исчезая, тем самым, безвозвратно. Никто никогда не помнит о бывших феях.

Хотя мне приходилось слышать и другую версию. Согласно ей, феи, утратившие свою пыльцу, не растворяются, а наоборот, обретают другую, плотную и постоянную оболочку. Беда заключается в том, что оболочка эта, как правило, стара, сморщена и отнюдь не красива. Воздушный характер феи, попавшей в такую телесную тюрьму, неминуемо портится, она ненавидит и проклинает все окружающее, но сделать ничего не может и продолжает жить, вернее, существовать, отравляя заодно существование тем, кто волей или неволей оказался в зоне ее досягаемости. Такие бывшие феи, по слухам, обладают даром предсказывать будущее, особенно если в нем намечается что-нибудь неприятное. Говорят даже, что это именно они, бывшие феи, превращаются в тех теток без пола и возраста, которыми так густо населены любые, особенно низкого уровня инстанции, вроде собеса и диспетчерской службы, – согласитесь, подобные экземпляры обладают удивительнейшей способностью в мгновение ока испортить настроение. Может быть, противный голос в телефонной трубке, сообщающий вам, что ваше дело бессмысленно и безнадежно, в какую бы инстанцию вы не звонили – это тоже какая-то бывшая фея, лишившаяся пыльцы, а вместе с ней и осязаемой внешней формы...

Внешняя же форма настоящей, действующей феи... Внешность феи редко поддается детальному описанию, можно сказать лишь одно – любая фея всегда выглядит хорошо. Причем не просто хорошо, а именно так, как было бы лучше всего в данной конкретной ситуации. Феи среднего уровня силы, как правило, не умеют изменять облик, в том смысле, что фея не может по желанию превратиться в кошку или птицу, это доступно лишь очень сильным индивидуумам, и их обычно называют по-другому. Но каждая мало-мальски способная фея умеет в мгновение ока менять свой имидж. Вопреки навязшему в зубах слогану (который, кстати, тоже почти наверняка придумала какая-нибудь фея – они очень любят при случае морочить людей), имидж в нашем современном мире – все. И феи пользуются этим на всю катушку.

Дело здесь не только и не столько в цвете волос, размере губ и выражении контактных линз – для этого совсем не нужно быть феей, на такие-то превращения при сегодняшнем развитии косметической индустрии способна любая колхозница. Настоящая фея способна стать такой, какой от нее требуют текущие обстоятельства, и идеально вписаться в любую ситуацию, оставаясь при этом сама собой и совершенно не изменяя свои основные черты лица.

Некоторые, совершенно не понимая его происхождения и внутренней природы, называют это фейское свойство обаянием. Другие – актерским мастерством. Третьи – вообще нецензурно. Но на самом деле эта способность безоговорочно нравится тем, кому нужно, и тогда, когда нужно, – просто еще одно рабочее качество каждой приличной феи, и они могут, по желанию, включать и выключать его с той же легкостью, с какой мы сами, заходя в темную комнату, щелкаем электрическим выключателем.

Очень многие обыкновенные человеческие девушки, наглядевшиеся на эти жизнеутверждающие примеры, мечтают стать похожими на фей. Нет, больше того, они мечтают не только стать похожей, но полностью превратиться в такую фею. Возможно, это происходит от непонимания внутренней их природы, возможно, даже несмотря на него, но факт остается фактом. Юные особы подвергают себя жестоким процедурам, направленным на изменение внешности, убийственным диетам в целях достижения кажущейся воздушности, перенимают манеры, повадки, поведение фей...

И совершенно, совершенно зря. Человек все равно никогда не сможет стать полноценной феей. В отличие от фей, у человека всегда есть душа, которую можно, конечно, изуродовать и измельчить, но совсем уничтожить нельзя. А вот лишиться в этой погоне за недостижимым человеческого облика можно запросто. И что может быть ужаснее вот такой миловидной, пусть даже не очень умной девушки, изуродовавшей свою душу и потерявшей человеческий облик?

Кроме того, человеку для жизни всегда будет нужно чуть больше материального, чем лист салата, а одними эфирными волнами, исходящими даже от самого головокружительного успеха, он долго не проживет. Да ведь этого и не нужно, если взглядеться. Способность любить, не пожирая, – на мой взгляд, совсем не худшее из возможных природных умений, и уж в любом случае не стоит завидовать тому, кто даже не может вспомнить свой собственный вчерашний день.

По каким внешним признакам человек может узнать фею, случайно встретив ее на улице? И может ли он это сделать вообще? Феи очень не любят, чтобы их вот так вот прямо узнавали среди бела дня, и весьма талантливо маскируются. Иногда только, задним числом, внезапно сопоставив все факты, вдруг возьмешь и догадаешься, что вон та заносчивая красотка, соседка по лестничной клетке, от которой в лифте вечно пахло незнакомыми духами и которая на прошлой неделе вдруг переехала в неизвестном направлении, была самой настоящей феей. Была и нету. Теперь не найдешь. Да и зачем, в сущности? Личный контакт с феей не является гарантией счастья. И часто вовсе даже наоборот.

Конечно, то, что феи любят делать добрые дела, не является совсем уж полной выдумкой – иначе откуда в сказках взялась бы такая идея. Очень возможно, что феи тех, незапамятно-сказочных времен на самом деле получали удовольствие, делая жизнь какого-нибудь несчастного чуточку лучше. Но современные феи в этом никакого специального смысла не находят. Они, конечно, совершают и добрые дела тоже, но не специально, а так, невзначай, для собственного удовольствия. Ведь это иногда бывает приятно – доставить удовольствие ближнему. Вот попробуйте, например, сводить как-нибудь провинциальную родственницу на тематическую вечеринку в стриптиз-клуб... Уверяю вас, вы тоже неплохо развлекетесь. И даже почувствуете себя немножко феей.

Собственно, если как следует взглядеться с нашей, сегодняшней точки зрения – что сделала фея в той самой, набившей всем оскомину сказке про Золушку? Отправила ничего не видевшую в жизни, кроме кухни, замарашку в королевский дворец, заложив в ее эфемерные наряд и карету мину замедленного действия и не дав бедняжке даже наручных часов. Наверняка среди гостей к полуночи затесалась парочка-другая фей, заранее предупрежденных изобретательной подружкой и ожидавших препотешного зрелища. Ну да, не вышло, у всех бывают осечки. Пришлось, чтоб не ударить лицом в грязь, на месте неудачного розыгрыша создать красивую легенду. На это, кстати, феи тоже большие мастерицы. Не из этого ли выросла вся наука современной рекламы и пиара? На этой ниве, кстати, трудится очень большое количество различных фей, которые, как вы уже, наверное, и сами поняли, являются настоящими специалистами там, где нужно запудрить кому-нибудь мозги и отвести глаза.

Но, если все эти мои разумные и почти научные доводы вам не нравятся и ни в чем вас не убеждают, и вы все равно хотите верить в фей как в неземных созданий – извольте. Я вам их покажу. Ну, или по крайней мере постараюсь – как я уже говорила, феи не любят, когда посторонние люди пялятся на них ни с того ни с сего. Поэтому мы будем подсматривать исключительно аккуратно. У меня есть на примете одна фея – не то чтобы хорошо знакомая, но та история, которая с ней случилась, и о которой, собственно, я и хочу рассказать, позволила мне ее заметить. Кстати, имейте в виду – эта история совершенно не характерна и почти уникальна. В ней фея, попавшая в неблагоприятные обстоятельства, начала испытывать нечто, максимально приближенное к человеческим чувствам. Собственно, именно поэтому мне удалось ее разглядеть. И на этом примере мы и попробуем проникнуть в такой, как вам кажется, загадочный мир фей. Кроме того, рассказанная история случилась если и не в далеком, то все равно в прошлом, давно кончилась и позабылась, если вообще я все это не придумала или, скажем, не увидела во сне. В любом случае теперь это уже не может никому повредить.

И еще несколько условий. Я не называю никаких имен, включая свое собственное. Все имена, употребляемые по ходу рассказа, не имеют ни малейшего отношения ни к кому из присутствующих, даже невзирая на личные местоимения. Имя – вообще очень тонкая и сложная субстанция, играющая огромную роль даже в обществе обычных людей, а уж для фей это вообще что-то вроде священной коровы, и последствия могут быть какими угодно, так что я не хочу рисковать. Впрочем, нормальное фейское имя так и так почти невозможно выговорить человеческим языком. Оно больше похоже на дуновение ветра или на шлейф запаха хороших духов, разных для каждой феи. Наверное, лучше всего удалось бы озвучить подобное имя на каком-нибудь экзотическом языке вроде китайского или вьетнамского, с их мяукающими протяжными звуками, но тут уж, извините, – увы. Меня в детстве ничему такому не обучали. Но, впрочем, я отвлеклась.

Собственно, это и есть мое второе условие – я буду часто отвлекаться. Это нужно и для маскировки, чтобы наблюдаемая фея не заметила наших охотничьих попыток, и просто для отдыха. Думаете, это легко – отслеживать фею в движении? Ну и, кроме того, во время этих отвлечений я буду, если нужно, пояснять что-нибудь еще, важное для понимания образа жизни наблюдаемого объекта, то есть все той же феи.

Если вы согласны – договор будем считать составленным. Я рассказываю и показываю картинки, вы слушаете, смотрите и стараетесь все понять. За неверно понятые сюжеты автор ответственности не несет – на каждый чих не наздравствуешься. Договорились? – Отлично. Садитесь поудобнее, открывайте первую страницу... Занавес поднимается.

ЧАСТЬ 1. Распад

Elephants can remember.

(Слонывсепомнят)

Агата Кристи

Человечество когда-нибудь вымрет, придавленное не в меру разросшимся научно-техническим прогрессом. В лучшем случае это случится не одномоментно, в результате, например, какой-нибудь глобальной техногенной катастрофы, а незаметно, по частям, посредством множества маленьких, локальных, домашних таких катастрофочек. Они происходят ежедневно и ежечасно, практически в каждой по-своему счастливой семье. Причиной их является отнюдь не всемирный злой умысел, а простое человеческое бытовое разгильдяйство. Помноженное, естественно, на этот самый прогресс. Справедливости ради надо признать, что этот локальный вариант конца света в одной отдельно взятой ячейке общества гораздо предпочтительнее, потому что все-таки оставляет надежду выжить наиболее прогрессоустойчивым особям.

Моя личная катастрофа случилась в один ничем не выдающийся солнечный майский день, когда ничто, как говорится, не предвещало... Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что, конечно, еще как предвещало, очень-очень даже предвещало, и надо было быть просто идиоткой... Но все мы умные задним числом, да по прошествии времени, да по зрелом размышлении, да глядя с нейтральной территории, а вот непосредственно тогда, солнечным майским днем...

В тот солнечный майский день мой муж, собираясь на работу, в суматохе унес с собой мой мобильник вместо своего. Дело в том, что они у нас одинаковые. Это я, желая сделать ему сюрприз, купила полугодом раньше пару совершенно одинаковых, блестящих, удобных телефончиков, умеющих делать какое-то огромное количество бесполезных вещей. Конечно, надо было выбрать разные цвета, и о своей ошибке я пожалела буквально в тот же день, когда мы их перепутали в самый первый раз, но... По какой-то причине менять их сразу было некогда, сама модель мужу очень понравилась, а потом я просто купила для своего кожаный чехольчик, чтобы не путать... В общем, так и осталось.

Но накануне я пролила в сумке неплотно закрытый флакон духов. Зачем я вообще потащила с собой в сумку этот флакон и куда? Теперь даже толком не вспомнить, кажется, мне дали в магазине пробничек, а я его не закрыла, да это не так уж и важно в ходе повествования, существен лишь сам факт. Я пролила духи. Сумка и все ее содержимое провоняли, и мне пришлось долго просушивать и проветривать свое хозяйство на заднем дворе, подальше от дома. В том числе пострадал и телефонный чехол. А сам телефончик я вытащила и бросила под зеркало в прихожей, рядом с ключами, чтобы потом не искать.

Там муж его и подцепил. Главное, я ведь даже рассказала ему накануне за ужином о происшествии в сумке, но он, естественно, слушал меня вполуха, а уж связать в утренней суете мой вчерашний рассказ с наличием телефона у зеркала – задача, непосильная даже для многих женщин. Я и сама-то хватилась телефона только пару часов спустя, собираясь в магазин за продуктами на неделю. Но, в отличие от мужа, у меня был запасной вариант. Не найдя своего телефона и сообразив, в чем тут дело, я поднялась к нему в кабинет, и – вуаля! – вот он, его телефончик, точно такой же, прямо на письменном столе. Недолго думая, я сунула его в карман джинсов.

У меня мелькнула, конечно, мысль позвонить мужу, рассказать о подмене и даже предложить подвезти ему телефон. Мне, строго говоря, наплевать, я пользуюсь своим мобильным весьма условно и вожу его с собой больше на всякий случай, потому что все равно почти никогда не слышу, как он звонит у меня в сумке, но мужу могут быть нужны какие-то номера,

записанные в память мобильного, да мало ли что еще. Там много функций, в этом телефоне. Между нами говоря, я считаю это идиотством – записывать всю нужную информацию в телефон. Вот ты его забыл, или там намочил – и что? Остался без грана информации. Я сама записываю все в книжку или, если ее не оказывается под рукой, – на листочек. Ну и что, что у меня в сумке вечно скапливается куча этих листочков? Зато когда надо – любой телефон находится на ура. И потом, я иногда перетряхиваю свою сумку. Вот как вчера. Правда, часть листочков намочила, но, значит, они и вовсе не были нужными.

Немного подумав, я не стала звонить мужу. Если спохватится – сам позвонит. Может, и вообще обойдется. А то я из лучших побуждений позвоню, а он опять начнет ворчать, какой глупостью было покупать одинаковые аппараты, и почему вечно все не на месте, и для чего... Нет уж. В конце концов, я тоже человек и могу перепутать. И не заметить. И вообще.

Я снова спустилась в прихожую, стала обуваться, и тут телефон внезапно противно завибрировал без всякого звука у меня в кармане. То есть я сначала даже не поняла, что это телефон, и прямо подскочила от неожиданности. Мало приятного, когда что-то под тобой начинает мелко дрожать с неестественной частотой. Ну да, вы угадали, я не сторонник и вибраторов тоже, сейчас все с ума посходили с этими вибраторами, а я так всегда была уверена, что есть вещи, где лучше обходиться без бытовых электроприборов, своими, так сказать, силами, и чем натуральнее – тем лучше.

Придя в себя и сообразив, в чем дело, я вытащила телефон. К тому времени он перестал трястись, потому что это был, собственно, не звонок, а простая смс-ка. Забыв с испугу, что телефон не мой, я ее прочла.

«Morning, sweet banny» – «С добрым утром, сладкий зайчик!» Вот прямо так, на чистом английском языке, да еще с ошибкой. Забавно. Кто это, интересно, со мной здоровается с утра пораньше? Да еще так по-дурацки? Неужели муж, обнаружив свою телефонную ошибку, таким образом издевается? Нет, номер отправителя совсем незнакомый...

И тут до меня дошло! Это же не мне! И не муж! Это, наоборот, ему. Это он – зайчик! Нет, зайчек! Сладкий! Черт!

Телефон, который я все еще сжимала в руке, словно в подтверждение моей догадки, затрясся опять.

«Почему молчишь? Твоя пусси на тебя обидится». Вот буквально, слово в слово. Это ж надо! Гадость какая. Я б скорей умерла, чем такое написала. Да еще мужу. Да и он тоже, как мне казалось, был вполне разумным человеком, не способным на такое отвечать. Может, все-таки какая-то ошибка?

Я еще раз посмотрела на номер. Нет, незнакомый. Мобильный. Местный. В каком-то ступоре я нажала клавишу «ответить».

Гудок, еще гудок – и игривый девичий голос: «Да, котик?»

Я нажала отбой.

Как очевидец и непосредственный участник я могу со всей ответственностью заявить: когда у тебя внезапно солнечным майским днем рушится жизнь – ты воспринимаешь это как катастрофу и, несомненно, испытываешь шок. Вот только что у тебя были любящий муж, прекрасный дом, сын, учащийся в университете, симпатичный счет в банке и, возможно, немного скучное, но обеспеченное и гарантированное будущее, ты собиралась в магазин за продуктами на неделю и переживала из-за пролитых в сумке духов – и внезапно, в одну секунду, ты понимаешь, что ничего этого нет, все только иллюзия и ложь, кругом темно, и вообще неясно, на каком ты свете.

Почему-то я сразу, буквально одним махом, поняла все. Что это не ошибка, что это серьезно, что да – мой муж, в которого я верила, как в каменную стену, то есть настолько верила, что даже никогда не задумывалась ни о малейшей возможности чего-то подобного,

несмотря на множество обратных примеров из жизни и литературы, мне изменяет. Как будто с глаз упал глухой занавес, хотя в них при этом, наоборот, почему-то потемнело, все вокруг одним движением перевернулось и закружилось в воздухе, одновременно непостижимым образом встав на свои места. В общем, жизнь рухнула.

Справедливости ради, нужно заметить – жизнь никогда не рушится внезапно. Всегда потом, оглядываясь назад, вспоминаешь множество непонятных случайностей, странных совпадений и прочих неприятных мелочей, каждая из которых сама по себе не значит вроде бы ничего, но все они, взятые вместе, выстраиваются в нерушимую цепь. На одном конце ты, а на другом, как ядро, висит твоя сегодняшняя катастрофа, и все вместе вы летите в тартарары. И ты понимаешь, что легко могла бы, тысячу раз могла хотя бы заметить эту цепь, не говоря уж о том, что, взявшись за любое из звеньев как следует, ее вполне можно было бы разорвать, не дожидаясь конца, но всегда что-то мешало, что-то останавливало, закрывая глаза мягкой лапой, застилая волю. Ведь всегда проще – не заметить и промолчать, не затевая скандала, не задавая вопросов, полагаясь на общее доверие... Всегда проще. Почти всегда.

Меня с моим мужем Колей, или Ником, как все называли его здесь, в Америке, связывали двадцать лет совместной счастливой жизни, из них пятнадцать лет в этой сытой благополучной стране, из них десять – в обеспеченности и достатке, из которых восемь – в достатке сильно выше среднего. У нас была своя прибыльная компьютерная фирма, двухэтажный дом в дорогом пригороде города Бостона с выплаченным кредитом, две машины, каждую из которых мы меняли в среднем раз в три года. Наш сын учился в университете, принадлежащем к десятке лучших в стране. Мы, черт возьми, даже купили совместную, между прочим, могилу на престижном кладбище. Все в жизни было гладко и благостно – и это самое отсутствие проблем нас и погубило.

Мы с Колей очень любили друг друга. Мы поженились по этой безумной любви совсем юными, студентами второго курса Московского физтеха – Колька был самым умным на нашем курсе, а я... На физтехе легко считаться красоткой, там учится слишком мало девушек, но я бы выдержала этот конкурс и в любом другом месте. Тоненькая, рыжая, с кудрями до плеч, с глазами то ли темно-зеленого, то ли светло-кофейного цвета... Я говорила, что они у меня чайные, а Колька называл их отчаянными, что тоже, в общем, было недалеко от истины. Мы поженились вопреки воле всех родителей со всех сторон и жили в общежитии на полуптичных правах, потому что ездить на физтех, находящийся за городом, из Москвы было сложно. Там же, в общежитии, мы родили сына, с которым сидели по очереди – один бежал на семинар, другой к коляске. А по ночам корпели вместе над конспектами и проектами, прерываясь на поцелуи и поочередные скачки к детской кровати...

Потом был отъезд в Америку в самом конце восьмидесятых – очереди в посольство, безумная дорога, снова бесприютные углы, копейки аспирантской стипендии, создание самой первой фирмы буквально отверткой на коленке... Муж придумал и сделал ее с самого начала, объединившись еще с одним нашим бывшим однокурсником. Днем они бегали по интервью, надеясь найти стационарную работу, а по ночам писали свои программы на купленном в кредит старом компьютере, а я заваривала им чай, жарила картошку огромными сковородками и колдовала над очередным супом из топора, зубря попутно английские глаголы...

Потом мы потихоньку встали на ноги. Фирма заработала, вышла на рынок, программы стали покупать, в доме было уже три новых компьютера, а Ник с партнером сняли нормальный офис и ходили на ланч в соседний ресторан. Расцвет хайтека пришелся как раз вовремя, мы успели поймать волшебную волну американской удачи, программный продукт купили, фирма вышла на биржу, создалось несколько филиалов, которые, в свою очередь, тоже были удачно проданы. В общем, к моменту, когда в начале века хайтековский биржевой пузырь с треском лопнул, мы успели полностью выкупить свой дом, отложить денег на образование сына, обеспечить всем родителям жизнь во Флориде и имели существенный запас на счету. Со всем этим

мы могли, строго говоря, вообще расслабиться и поживать на лаврах. Но муж, привыкший вертеться волчком в волнах бизнеса, основную фирму все равно сохранил, и она работала несмотря ни на что, и акции ее в последние годы снова поползли вверх...

Но главное – все это время мы были всегда рядом, всегда помогая друг другу, обсуждая все, что происходило в нашей жизни, вдвоем находя единственно правильное на тот момент решение, будучи вместе настолько, насколько это возможно. Не знаю, можно ли назвать эти наши отношения любовью, потому что любовь как таковая есть нечто эфемерное и парящее в воздухе, а мы крепко стояли на земле всеми четырьмя на двоих ногами, но хорошей дружбой – безусловно. Да нет, пожалуй, больше, чем дружбой. Это было... Не знаю... Мы просто были – семья – один организм.

В последние годы, пожалуй, особенно после отъезда сына в университет, этот организм слегка ослаб и, может быть, как-то разленился... Мы были вдвоем в огромном доме, который, если честно, всегда был великоват даже для нас троих, а уж теперь и подавно. Я вяло порывалась его продать, но каждый раз, собираясь позвонить в контору по недвижимости, жалела. Он и вправду был очень хорош, этот дом, со своими башенками и такой специальной чешуйчатой деревянной бостонской обшивкой из кедровой дранки снаружи, делающей его похожим на огромную шишку. Я влюбилась в него сразу, как только увидела. Мы искали свой первый дом. Этот, на двенадцать комнат, не считая подвала, с осыпающимися викторианскими витражами и провисшими водостоками, был нам слегка не по средствам. Он стоил полмиллиона, тогда это было страшно даже выговорить. Я не хотела, боялась думать о колоссальных долгах, но Коля, увидев, как дом мне нравится, решил рискнуть. Мы выплатили все кредиты уже через три года, а сейчас дом вырос в цене больше чем вчетверо, но главное – это был мой дом, наш дом, любимая и прекрасная крепость. Правда, мы иногда могли за целый день так и не встретиться в ней, проживая каждый в своем независимом расписании, но это обстоятельство не казалось чем-то особенным теперь, когда все было так хорошо и гладко. У него работа, у меня моя жизнь... Во всяком случае, проблемы я здесь не видела. Как не видела ее и в том, что иногда, когда мы все же встречались, например, за ужином, и Ник начинал рассказывать мне о том, как идут на фирме дела, я вежливо кивала, про себя с легким раздражением думая, что завтра надо будет сделать то-то и то-то, и кажется, кончился йогурт, и маме надо бы позвонить, и как можно так долго рассказывать об одном и том же, я все это уже знаю, а чего не знаю, о том могу догадаться, если захочу... Краем мозга я понимала, что, наверное, это неправильно, что когда семейные разговоры о делах кого-то одного становятся скучными для другого, это все-таки проблема... Теперь-то я знаю точно, что это не проблема, а катастрофа, и надо бежать, кричать, стучать, делать что-то немедленно, но тогда, честно говоря, так не хотелось... Все хорошо, все спокойно, вот мы сидим в своем доме за своим столом, а потом пойдем вместе в свою спальню, и даже, может быть, поговорим там потом о чем-нибудь, интересном для нас обоих. О том, как дела у сына, например.

Чем длиннее список проблем, окружающих партнерскую пару в житейском море, и чем значительнее эти проблемы, тем крепче приходится держаться друг за друга, тем больше находится животрепещущих тем для разговоров по вечерам, тем нужнее и ближе вы становитесь один другому. Потому что каждый из двоих знает – их только двое против всего на свете. Они, сцепившись, несутся в бушующем море, выныривая из-под налетающих волн, уворачиваясь от новых и новых подводных скал. Расцепишься – пропадешь. И даже если сказать проще, без излишнего пафоса, то вдвоем легче. И дело не только в этом. Вдвоем интереснее. Житейские задачи в самом деле интереснее решать вдвоем. Наличие этих задач само по себе очень сближает.

Выплывая в жизненных бурях и уворачиваясь от внезапно падающих на голову неприятностей, ты обучаешься понимать партнера как вербально, так и без слов, ты узнаешь про него совсем все, даже то, что он сам может до конца о себе не знать. Ты привыкаешь к нему. Ты

начинаешь доверять ему, спокойно поворачиваясь спиной или подставляя под локоть мягкое брюхо. Ты знаешь, что этот человек – свой. Немного больше, чем свой. Он – ты. И это связывает накрепко, надежно, как самый лучший цемент.

Но, привыкая, доверяя, находя в нем себя, ты зачастую перестаешь видеть в нем отдельное существо. Ты забываешь, что где-то там, внутри, есть другой. Что у него, другого, могут появляться какие-то новые мысли и желания. Они, эти мысли, бьются и дрожат незаметно в каждом из вас, своей мелкой вибрацией разрушая цемент изнутри. И если внешние бури уже поутихли и не оказывают прежнего объединяющего воздействия, то этот связующий цемент выкрашивается, осыпается от времени, вас уже не притягивает друг к другу, как раньше, возникают пустоты, требующие, наверное, чего-то нового, чего-то, что не заставит себя долго ждать...

Такие конструкции, впрочем, способны простоять довольно долго. Они могут годами выкрашиваться, рассыпаясь потихоньку в мелкую пыль, но сохраняя стояки основы, а могут от случайного внешнего воздействия рухнуть внезапно. Не считая, опять же, всей предыстории. И тогда это можно считать катастрофой. Как у меня. Несчастье ворвалось в мою жизнь, огромное, как слон, и страшное, как разверстая пропасть.

Наверное, у меня все же закружилась голова, и я инстинктивно, чтобы не упасть, схватилась за полочку у зеркала. Как и когда я это сделала, и сколько я так простояла – не помню. Помню, что, когда я открыла глаза, на меня близко-близко выплыло из полутьмы мое же лицо – и я себя не узнала. Бледные губы, широко раскрытые слепые глаза – это я? Или тоже очередная фикция, нелепая чужая утопленница, случайно выжившая после катастрофы?

Я отпустила спасительное зеркало, сделала шаг назад и села, вернее, рухнула на стул, все еще держа злополучный телефон. Потом, спохватившись, резко отбросила его в сторону, как ядовитое насекомое. Он бренькнул, ударившись обо что-то. Надеюсь, разбился. Так тебе и надо, мерзкая гадина!

Впрочем, что же я тут сижу?! У меня такая беда, а я сижу. Надо скорее бежать, что-то делать, может быть, все еще можно как-то спасти?!

Я неловко вскочила, впопыхах ударила плечом о дверцу обувного шкафа, шкаф распахнулся, оттуда высыпались коробки с обувью. Из ближайшей ко мне выпала пара золотых босоножек на высоченном каблуке с двадцатью тоненькими ремешочками, каждый из которых застегивался на отдельную пряжку. Такие, знаете – то ли гладиатор, то ли свиноматка.

Никогда, никогда, даже в глубочайшем шоппинговом помрачении рассудка, не купила бы я себе подобной пары! Даже если бы меня на коленях умолял об этом сам Маноло Бланик. Босоножки, кстати, и были его творением. Их мне год назад прислала в подарок любимая свекровь, насмотревшись, очевидно, «Секса в большом городе». Ну, или «Отчаянных домохозяйек». Что самое обидное, по застарелой советской привычке она не вложила в коробку чек – так что я их даже вернуть никуда не могла, и они все это время валялись в шкафу, дожидаясь отправки в какую-нибудь «Армию спасения».

Но теперь, будучи в совершенно невменяемом состоянии, я схватила золотые босоножки, натянула на ноги и судорожно начала их застегивать. Какая разница, что надевать, главное – скорее. Выпали, попались под руку – ну и замечательно.

Руки у меня тряслись, ремешки не желали попадать в пряжки... Застегнув на правой ноге штуки четыре, а на левой и вовсе, кажется, два, я решила, что сойдет и так, вскочила и рванулась к двери.

Но не успела я сделать и шага, как моя нога, непривыкшая к каблукам, да еще и плохо пристегнутая, подвернулась, я закачалась, теряя равновесие, споткнулась о другую коробку и позорно рухнула посреди прихожей, больно ушибив локоть.

Собственно, эта резкая боль в локтевом суставе и привела меня в чувство. Или, возможно, наоборот – я окончательно потеряла сознание, оно отделилось от меня, всплыло куда-то кверху и смогло поглядеть оттуда сторонним взглядом на открывающуюся ему картину.

Картина, надо сказать, была та еще. В темной прихожей посреди раскиданных коробок сидит такое растрепанное нечто в золотых босоножках и с зареванной мордой, держится одно временно за локоть и за щиколотку и причитает о конце жизни.

Здравствуйте, приехали! Александр Македонский был, конечно, великим человеком, но зачем же стулья ломать?! Жизнь, может, и пытается закончиться прежде времени, но если ты еще и сама будешь устраивать вокруг себя разруху, она сделает это гораздо быстрее. Да и надо еще проверить, сколько там осталось до этого конца.

Я, даже будучи рыжей с соответствующим цвету волос темпераментом, в сущности, довольно рациональный и трезвый человек. Нет, конечно, увидев мышь, я завизжу и вскочу на стул, без этого нельзя, реноме собственной женственности надо всецело укреплять и поддерживать, но если опасность, грозящая мне, будет хоть немного более серьезна – никакого визга, я буду спокойна, как камень. Сяду, упрюсь и начну вычислять свои ходы, чтобы ни одного движения даром не пропадало. То есть, если у моего ребенка, к примеру, насморк – я могу суетиться и хлопать крыльями, а если ангина с осложнениями – буду действовать совершенно спокойно, как безупречный медицинский автомат, до тех пор пока не поправится. Кстати, насчет мышей тоже – визг визгом, но, слезши со стула, экстерминатору я все-таки позвоню.

В итоге мое сознание, погуляв по потолку и насладившись видом, все-таки решило дать мне шанс и вернулось ко мне. Поэтому я, отложив побег неизвестно куда и поездку за продуктами, сгребла себя с полу в прихожей, отцепила чертовы босоножки, запихнула в шкаф все коробки, перебралась на кухню, заварила чашку чая, насыпала туда в виде исключения три ложки сахара для лучшего соображения, зажала волю в кулак и начала работать головой, то есть думать, а не метаться в эмоциях.

Собственно, что я так уж расписывалась? Ну смс-ка, ну бабский голос в трубке... А если кто-то ошибся номером? А другой раз? Ну и другой раз ошибся, все бывает. И вполне естественно, что там отвечает какая-то киска, кому ж еще, если это ее телефон? А Ник тут даже вовсе ни при чем.

Да, но как бы это проверить? Не у Ника же спрашивать. А проверить нужно непременно, потому что я теперь все равно не смогу жить нормально, пока не убедюсь... Не убежусь... Короче, пока точно не выясню!

Стоп-стоп-стоп! Но ведь существует такая штука, как распечатки с мобильного телефона. И там-то мы сейчас и проверим, случайно нам пишут или нет. Благо, оба телефона оформлены на меня, хотя в данном случае это вообще никого не волнует.

Я бегом ломанулась в свою комнату, дернула ящик, куда скидывала все бумаги по хозяйству... Так, счет за воду, письмо от садовника, отчет по кредитке... Черт, где же телефонные распечатки? Ведь приходили же, каждый месяц приходят... Куда б им деваться? Или Ник их забрал к себе? Это уже хуже.

Полная дурных предчувствий, я направилась в мужнин кабинет. Если он действительно забрал к себе никому на фиг ненужные распечатки, это не к добру, не к добру... Один ящик, другой... Вот они!

Да, и что же день грядущий нам готовит? Где наш зайчик? Какой там хоть номер был? Да, вот он, этот номер, и вот еще, и вот... Да их тут целая куча! Целое стадо зайчиков. Два раза в день, три раза в день, и входящий, и исходящий... И так минимум три месяца, за больший срок я распечаток не подымала...

И это было еще не все. В том же ящике, под телефонными распечатками, лежала целая пачка распечатанных банковских отчетов по тратам с кредиток Ника, которые банк высылает каждый месяц. Естественно, я тут же в них вцепилась.

Посмотрим-посмотрим... Так... Ничего... Ничего... Ага! Счетик из ресторана... «Эвелина». Я-то не ходила с ним ни в какую «Эвелину», это уж точно. Может, правда, то был бизнес-ланч? Нет, это же ночной клуб... А это что? «Шривс, Крамп энд Лоу», ювелирный. Цепочка золотая, тра-пам-пам... Интересно-интересно... Правда, недорого, всего-то сто пятьдесят долларов... Хиловатый зайчик попался. Так, а это? Счет из мотеля? Интересно, каким надо быть идиотом, чтобы, идя в мотель с бабой, платить там своей кредиткой?! Только наличными!!! Это так глупо, что просто не может быть. Нет, я, наверное, все же чего-то не понимаю...

Строго говоря, даже это пока не доказывает, а был ли зайчик? Может, я все выдумываю, злобная баба? В сущности, и ресторан, и цепочка, и даже мотель – все можно как-то разумно объяснить. Самое смешное, что еще вчера я бы легко поверила в подобные объяснения. Да что там! Вчера я сама бы придумала себе целую кучу убедительнейших объяснений, случись мне вот так напороться случайно на эти распечатки. Вдруг никакого кошмара все-таки нет? Да, но не приснились же мне смс-ки от зайчика... И разговоры по телефону. Нет, все тут, все документально подтверждено...

Меня затошнило. Господи, гадость какая! Значит, все правда. Оказывается, я все это время внутри себя надеялась, что, может, и в самом деле произошла ошибка, что так не может, просто не может быть. Может. И было. И уже давно. А я все это время, как дура... На глаза навернулись слезы. Прекратить немедленно, потом будешь реветь, сейчас некогда. Чтобы успокоиться, я стала аккуратно складывать в стопку злосчастные распечатки, и тут, словно судьба решила добить меня окончательно, я обнаружила это письмо...

Оно выпало из пачки банковских распечаток и лежало себе тихонько на ковре. Я подняла его и обратила внимание, что оно не из нашего банка, а из совсем другого, с незнакомым мне названием. В любое другое время я бы и думать не стала – мало ли, где какой мусор валяется, но, поскольку сегодня на мою долю уже выпало столько внезапных открытий, я его развернула. И тут...

В общем, все, что я обнаружила до того, были цветочки. Потому что сейчас я держала в руках отказ банка выдать моему мужу кредит под залог нашего дома в связи с тем, что он находится в нашей совместной собственности, а моей подписи под заявлением нет.

Вот тут-то я и осознала, что значит – утратить почву под ногами. Хорошо, что я уже сидела, а то прямо страшно подумать, куда бы я рухнула на этот раз. Дом! В залог! Без моего ведома...

Нет, на самом-то деле, чтобы было понятно, в этом нет ничего необычного. В Америке все то и дело покупают дома в кредит, берут под них залог, перезакладывают, получают новый кредит, покупают на него следующий дом и так далее. Некоторые даже делают из этого вполне успешный бизнес. Это нормально – брать залог под стоимость дома, дело не в этом.

Дело было в том, что как раз мы с Ником в эти игры не играли принципиально. Когда нам удалось так быстро выкупить дом, я сочла это подарком небес и всерьез озаботилась, чтобы наш дом с тех пор оставался полностью свободным от любого рода долгов. Убедить в этом Ника стоило некоторых трудов, но тут я была как скала. Позже, в разгар компьютерного кризиса, когда многие из наших знакомых, в одночасье потеряв все доходы, были вынуждены расставаться с домами, не в состоянии выплачивать за них кредиты, я стократно убедилась в правильности своего решения, и Ник был вынужден со мной согласиться. С тех пор разговоры о закладе дома если и возникали, то, скорее, как шутка, и вот теперь... То, что он пошел на это, причем без моего ведома, свидетельствовало о катастрофе похуже «Титаника».

И это означало, что я в любой момент могу остаться не только без мужа, но и без дома. То, что этот конкретный банк ему отказал, не значит ровным счетом ничего. Существует масса гораздо менее щепетильных контор, и при желании найти такую – только вопрос времени. Ну, возможно, еще и каких-то условий кредита, что для меня совершенно неприемлемо.

А принципиально... Ой, господи, ну о чем я таком думаю? Какие, к едрене матери, принципы? У меня вот только что, буквально в одночасье, рухнули семейное счастье, основа благосостояния и вера в человечество, а я сижу и размышляю о принципах? В то время как нужно бежать, что-то делать и спасать, что осталось. Если вообще еще хоть что-то осталось.

В общем, я снова оказалась за кухонным столом со спасительной чашкой чая в руках. Все эмоции я железным усилием воли сгребла в кучу и засунула... Ну, в общем, туда и засунула. Сейчас не до них, ну вот нисколько. На войне, как на войне. А в том, что у меня тут война, я больше ни на копейку не сомневалась. Более того, война, оказывается, у меня уже давно, а я только что об этом узнала.

Итак, если отбросить эмоции – всякую там любовь, разбитое сердце, грядущее одиночество, предательство и бесцельные причитания типа: «Как он мог?!», а это обязательно нужно сделать, потому что иначе ничего не получится, – что будет в остатке? Дети. Деньги. Образ жизни. Вот три кита, на изменения положения которых нужно глядеть, чтобы правильно оценить свое нынешнее состояние. Значит, начинаем гадать по китам.

Итак. Дети. Собственно говоря, сын. Он уже большой, ему девятнадцать. Он не живет с нами больше трех лет и навряд ли все это как-то сильно на нем отразится. Нет, конечно, он, наверное, расстроится и будет переживать, но... До тех пор, пока его учеба в университете оплачена, и будущее, тем самым, минимально гарантировано, все остальное, честное слово, не критично на фоне других событий.

Деньги. Деньги у нас есть, и это хорошо. Даже поделив их пополам, каждый из нас совершенно не пропадет в этом мире, оставшись вполне обеспеченным человеком. Цинично утверждать, что деньги решают все, но Боже мой, сколько решений они на самом деле упрощают. Тут, правда, есть один существенный момент – нужно позаботиться, чтобы моя половина досталась мне, а не пропала неизвестно куда. Муж мой, конечно, приличный человек и не станет... По крайней мере, так я думала о нем предыдущие двадцать лет. Но в свете последних событий... И вообще – мало ли как бывает, если подумать, я могу вспомнить много случаев трагического раздела имущества, когда любовь была до гроба, а в дураках остались... Нет, не оба, а только жена, и не в дураках, а в дурах без копейки денег, потому что в этой ситуации мы имеем дело не столько с собственным мужем, сколько с теми, кто идет после нас, а все эти «зайки» и «киски»... Господи, ну как он только... Стоп. Не начинать. Лучше разобраться с деньгами, пока не поздно. Деньги – это сбережения, текущие счета, кредитки, фирма и дом. Все это у нас находится в совместной собственности. Фирму можно пока не трогать, дом пойдет на продажу – нефиг делать «киске» в моем доме, но продажа – это не быстро, а вот счета... С этим нужно как-то поторопиться. Иначе... Я уже была бедной, спасибо. Ну, пусть не очень долго и пусть даже не самой бедной, но мне все равно хватило, и больше я не хочу. Тогда мы с Колькой хоть вместе были бедными, а сейчас что? Я буду одна, без дома и без денег, а он на мою долю будет с зайчиком кайфовать? Только не это, нет. И вообще хватит про зайчиков.

Образ жизни. Положение. Статус. Все это замечательно, то есть было замечательно, но – что я теряю? Сына мы вырастили, и он в любом случае не пропадет, а жить с мужем, который роет тебе яму за твоей спиной, и все время ждать, что вот-вот в нее свалишься? Да, но я же не ждала... Ну, так я ничего и не знала, а падать от этого ничуть не мягче, и потом, теперь-то я знаю... В общем, счастья не будет все равно...

Как же это нечестно, мамочки! Я старалась, я ему помогала, мы так дружили... Стоп! Прекрати немедленно! Сейчас не время. Думай о чем-нибудь конструктивном, дура!

Ну да – конструктивно. Если я правильно решу финансовый вопрос... Так, чтобы все было совсем правильно, мне одной не справиться. Там все непросто, Ник разбирается в делах гораздо лучше меня, я даже могу не знать всех подробностей. Я вон про собственный дом не знала, а сколько всего еще... Мне будет нужен совет профессионала. Так, а где его взять? Нанять бухгалтера? Да нет же, глупости какие. Все гораздо проще, это называется адвокат по

бракоразводным делам... Конечно. Как ни печально, но уже очевидно, что этого не избежать. А они как раз отлично умеют находить и делить имущество по справедливости.

Но где берут таких адвокатов? И хорошо бы это была женщина... Мне кажется, с ней мне будет легче и понятнее. Стоп-стоп-стоп, что-то я такое слышала совсем недавно... Точно. На благотворительном вечере в Музее изящных искусств. Там меня познакомили с этой теткой, как ее звали... Марсия... Говорили, она одна из лучших в городе, и у меня даже где-то визитка должна была остаться. Надо пойти и найти. Назначить встречу сегодня же, немедленно. Да, прямо сейчас, чтобы что-то делать, а не сидеть тут, как дура, на кухне...

Тут я поняла, что мне на самом деле совершенно не хочется никуда идти и тем более что-то делать, особенно разговаривать с посторонними, а хочется, во-первых, немедленно позвонить мужу и спросить у него, что происходит, и чтобы он мне сказал, что все неправда, а если вдруг и правда, то все равно пусть скажет сам, честно и открыто, ну хоть это-то я заслужила, и тогда я наору на него от души и заплачу, и он же будет меня утешать. А во-вторых, и это даже сильнее, мне хочется просто стукнуться об стену и завывать. Вот так вот взять и завывать, громко, в голос и с переливами. Потому что так нельзя, и я так не могу! У-у-у!!!

А лучше всего – позвонить мужу и завывать. Одновременно. Может, легче станет?

Может. Но вряд ли. Станет не легче, а только хуже, а силы кончатся. Потому что выть – вообще всегда неконструктивно, а с мужем на такие скользкие темы лучше разговаривать, хорошо подготовившись. Потому что это больше не мой муж, не тот Колька, Колян, которого я знаю как облупленного и который просто часть меня, а какой-то посторонний, неизвестный мне человек, переписывающийся идиотскими смс-ками с мерзким зайчиком. И от него, в принципе, можно ждать совершенно чего угодно. Собственно, я уже дождалась. И раз уж мне повезло (вот ведь везение, да?!), что так получилось и у меня есть небольшое преимущество в виде куска времени сроком в полдня, я должна использовать его по максимуму. А значит, некогда выть, надо искать адвоката.

Интересно, куда я могла засунуть эту визитку? В моей вчерашней сумке ее не было, я бы заметила, когда перетряхивала залитый духами бардак. Господи, неужели это было только вчера? Да. А адвокатесса – в музее, на приеме. В прошлом месяце, точно. Вот как хорошо, что я три года назад вступила в этот благотворительный клуб. Колька еще смеялся, что мне делать нечего. Потому что ему жертвовать на музей не хотелось, я знаю. А я не послушалась. Я люблю наш бостонский музей. И взнос, кстати, не такой уж большой, и заседания всего раз в месяц, иногда их можно и прогулять. Хотя, даже если не прогуливать, дамы там все очень симпатичные, я вполне с удовольствием общалась. И с некоторыми даже вполне подружилась. Нэнси вот, хозяйка картинной галереи. Я потом к ней ходила, у нее отличные картины, я купила пару, и мы просто так встречались, кофе пили. Или Келли, которая из старой бостонской семьи, еще с «Мейфлауэра»... Нет, все очень милые дамы, и знакомства полезные. Собственно, ради знакомств я в это и ввязалась с самого начала. Для Кольки же, по большому счету, просто он этого не понимает. И потом – члены клуба могут ходить в музей бесплатно, и там бывают большие светские приемы дважды в год. Не то чтобы я люблю такие приемы, с ними столько мороки, но вот и пригодилось. Потому что добрые дела всегда окупаются.

Через двадцать минут я отыскала-таки нужную мне визитку. В вечерней сумочке. Можно было бы, конечно, и раньше сообразить, но голова от расстройства плохо работала. Зато хорошо, что я не пишу ничего в телефон – а то пришлось бы звонить мужу с просьбой, что было бы довольно глупо. «Ники, дорогой, ты не поищешь у меня там в списке телефонов бракоразводного адвоката, а то на твой телефон приходят записки от зайчика, меня это нервирует...» Кстати, о зайчиках – придется же, все равно придется с ним говорить. Можно, конечно, подождать, сделать вид, что ничего не происходит. Но нет. Уж себя-то я знаю – я не смогу молчать, я все равно сделаю это сегодня, у меня не получится притворяться, что все осталось, как было.

А это значит, я должна знать, что делать и как себя вести, и с адвокатом, тем самым, железно нужно все выяснить до мужниного прихода.

– Здравствуйте, вы позвонили в адвокатскую контору «Голдман, Фридман и сын». Чем я могу вам помочь?

– Добрый день, я бы хотела назначить встречу с госпожой Марсией Грин. Сегодня. Это очень срочно. Безотлагательно.

– Прам-пам-пам... Занята... В лучшем случае через неделю.

– Могла бы я переговорить с ней лично?

– Прам-пам-пам. Очень сожалею. Правила компании...

– Послушайте. Мы с ней хорошо и давно знакомы. Мы состоим в одном благотворительном клубе. Я могла бы позвонить ей на мобильный, но, поскольку у меня чисто деловой вопрос, предпочла сделать это официально. Соедините меня с ее офисом. Прямо сейчас.

Некрасиво, конечно. Почти невежливо. Называется «как бульдозер». А что делать?

– Марсия? Добрый день. Это Лиз Будберг, мы с вами знакомы, помните вечер в Музее изящных искусств? Я бы хотела с вами проконсультироваться... Это очень важно, да, я понимаю, что ваше расписание... Но, может быть, я могла бы сегодня угостить вас ланчем? Когда вам удобно, любое время. В два? В ресторане отеля «Бристоль»? Спасибо, я немедленно закажу столик. Марсия, вы просто ангел. До встречи.

Фф-ухх. Сделано. Столик заказала, встречу назначила. Это есть. А что делать теперь?

Время, остающееся до встречи, надо как-то занять. Желательно чем-то умственным, чтобы некогда было думать про Ника и остальное. Понятно, что никакие отвлеченные вещи мне все равно в голову не полезут. И тут я случайно заметила, что на визитке, которую я все еще держала в руке, был, кроме телефона, указан еще и адрес сайта в интернете. Очень удачно. Вот как раз подходящее занятие. Загляну туда – и отвлекусь, и к грядущей встрече получше подготовлюсь.

Это оказалось прямо сокровище, а не сайт. Марсия, будучи бракоразводным адвокатом, явно предпочитала иметь в качестве клиентов именно женщин, и сайт ее адресовался таким, как я. Это была, можно сказать, просто памятка по оказанию первой помощи несчастным, попавшим в аналогичную ситуацию.

Ну, во-первых, хотя бы даже понимание того, что ты не одна такая на свете, уже сильно поддерживало. Выходит, я не самая большая идиотка, такое может случиться с каждым. Для таких, как мы, даже разработана целая система, что нужно делать. Пошагово.

Шаг первый. Постарайтесь успокоиться. Возьмите себя в руки. Вам сейчас очень тяжело, но, если вы не будете вести себя правильно, вам будет гораздо тяжелее. Сделайте над собой усилие – вы же сильная женщина – и предпримите следующие шаги. После этого нам с вами будет гораздо легче вам помочь.

Надо же, какая я умная – сама догадалась. Хотя что-то хорошо.

Шаг второй. Не говорите ничего вашему партнеру. Не бросайтесь выяснять отношения, как бы вам этого ни хотелось. Пусть он пока не догадывается, что вы в курсе событий. Если это необходимо, постарайтесь не встречаться с ним какое-то время. Действуйте, не теряя времени. Свяжитесь с кем-нибудь, кто, по вашему мнению, может оказать вам необходимую помощь. Лучше, тем не менее, не беспокоить и не расстраивать близких людей, а воспользоваться помощью профессионалов. Позвоните своему психологу. Обратитесь к адвокату.

Нет, я просто Сократ какой-то. Все делаю, как по писаному. Честное слово, от этого становится легче.

Шаг третий. Если у вас есть совместные банковские счета и накопительные программы, перекройте их немедленно. Сделайте это первой. Вы имеете на это полное право. Перекрыть совместный счет юридически гораздо проще, чем доказывать в суде, после того как это делает

ваш партнер, сколько там было денег и какая их часть принадлежала именно вам. Доказать же, что вы не имеете представления, куда исчезли деньги, часто вообще невозможно.

Вот так все просто?! Взять и перекрыть совместный счет? Хотя... Действительно, а почему бы и нет? А то доказывай потом...

Шаг четвертый. Обратитесь к социальному работнику вашего округа. Запишитесь на внеочередной визит как можно скорее. Расскажите ему, что ваш партнер не оказывает вам содействия в воспитании детей, не уделяет им достаточно времени и внимания. Приведите сравнительные цифры. Поделитесь с ним своими опасениями. Убедитесь, что ваш визит зафиксирован официально. Помните, что установление опеки над детьми – один из самых тяжелых и болезненных моментов бракоразводного процесса.

Шаг пятый...

Господи, какое счастье, что Женька уже вырос, и мне не придется делить с Ником опеку над этим девятнадцатилетним младенцем. Вот ведь что страшнее всего, на самом-то деле. Дети – это такое слабое, такое уязвимое место... Они ведь живые. И мы живые.

А деньги... Это на таком фоне почти ерунда. Им хотя бы не больно, когда их делят. Кстати, о дележе. Надо, пожалуй, не откладывая, воспользоваться третьим пунктом ценной инструкции. Все равно Марсия при личной встрече, скорее всего, посоветует мне сделать то же самое, а так я хоть время терять не буду. И вообще – как же хорошо, когда в трудной ситуации есть, кому о тебе позаботиться. Когда кто-то говорит – делай так, так и так, я тебе помогу. Даже если за деньги. Хотя почему – даже если? За деньги – это, выходит, как раз самое надежное. Вон, и инструкция говорит – не беспокойте близких, обратитесь к профессионалу. Хотя я всегда раньше предпочитала обратное. Допредпочиталась.

Очень удобно, что с банковскими счетами теперь все можно сделать, буквально не вставая с места. Банк у меня давным-давно весь в компьютере. То есть – в интернете. Вот он, вот он – технический прогресс в действии! А то бы пока туда, пока сюда, да везде очередь – как бы я все успела? Так, и что мы имеем с этого гуся?

Закрытый счет, еще один, сберегательный, мой, его, общий, текущий, моя кредитка, его кредитка, две совместных... Все замечательно, все так, как и должно быть по моим представлениям. Значит, ни зайчик до денег пока не добрался, ни Ник ничего с ними не сделал. Вот и славно, трам-пам-пам. Теперь уже и не доберутся, по крайней мере, до моих.

Я перевела деньги с закрытых совместных счетов на свой персональный. Вот так. Теперь все правильно. Почти. Неправильно то, что я скинула оттуда все деньги, а не половину, но закрытые счета нельзя перевести по-другому. И так-то пришлось банку штраф отстегивать. Ничего, тут уж не до процентов, дело того стоит, а отдать Нику его половину я всегда успею. Хотя еще подумаю, да. Смотря как он будет себя вести и что будет с домом. А уж открытые счета я, так и быть, опустошать не буду, честно возьму оттуда только половину. И кредитку Колину трогать не стану, не зверь же я какой. Да я и не могу ничего оттуда взять, да мне и не надо...

Мне не надо вашего, у меня все есть... Мое бы не трогали. Но ничего. Вот я только с домом еще разберусь, вернее, мой адвокат разберется... Ой, кстати, мне же уже пора. Надо же, как быстро время прошло, в делах-то. Ну что же, по крайней мере, все с толком. Теперь собераться, ничего не забыть... Эти зайчики у меня еще попляшут!

Я уже сидела за столиком в ресторане, когда ровно в два, секунда в секунду, появилась Марсия. Седоватая, коротко стриженная, в прекрасном брючном костюме, она, пожалуй, являла собой истинное воплощение «настоящего адвоката». По крайней мере, именно так я себе его, этого абстрактного «настоящего адвоката», и представляла. По книжкам и фильмам, смешная дурочка. А теперь вот, пожалуйста, сама сижу на бизнес-ланче с настоящим адвокатом, все по делу, как у больших.

Марсия поздоровалась со мной – рука у нее была сухой и твердой, тоже очень настоящей. Мы обменялись парой каких-то светских любезностей, сделали заказ. Официант ушел, и Марсия, после легкой паузы, кивнула мне.

– Как я поняла, Лиз, у вас был ко мне какой-то вопрос?

– Да, Марсия. Спасибо. Дело в том, что я... Что мой...

Оп-па. Оказывается, я не могу выговорить это вслух. Слова застряли в горле тяжелым комком, а к глазам подступили дурацкие слезы. Совсем не дело. Я сжала под скатертью руку в кулак, так что ногти больно впились в ладонь.

– Я думаю, что мой муж мне изменяет. Более того, я этом уверена. У меня есть... Неважно. В общем, я хотела бы понять, какие я могу предпринять в связи с этим легальные действия. Ну, чтобы... Вы меня понимаете...

Марсия снова кивнула. На лице ее не отразилось никаких эмоций. Ни сочувствия, ни злорадства. Хотя и с чего бы? Это ее работа, она таких, как я, сотнями видит.

– Вы давно женаты?

– Двадцать лет.

– Дети?

– Да. Сын. Но он уже взрослый.

– Вы работаете, Лиз?

– Нет. И никогда не работала. По крайней мере, официально.

Это правда. Я никогда, ни дня, не работала в Америке за зарплату. Когда мы только приехали, оба поступили в аспирантуру – Колька в знаменитый Массачусетский технологический, а я в Бостонский университет. Мне платили там какую-то стипендию, но она была такой крошечной, что почти не считалась. Собственно, поэтому я и ушла оттуда через год. На няню нам не хватало, а в садике, который тоже был почти не по деньгам, Женька отчаянно болел. И потом, нелегально мне удавалось заработать заметно больше. Конечно, я подрабатывала – мыла где-то полы, пасла заодно с Женькой чужих детей, без этого мы бы не справились, но это ведь нельзя считать настоящей работой. А потом, когда Коля доучился, и уже появилась фирма, и с ней какие-то деньги, я с облегчением оставалась дома. Помогала Женьке делать уроки, готовила еду повкуснее, обеспечивала тылы. Домохозяйка... Хозяйка дома – разве это работа? То есть для того, кто знает, какие силы на все это нужны, ведение хозяйства – одна из самых нелегких работ, но так, со стороны... Когда фирма расширилась и встала на ноги, сколько я проводила дома разных приемов. Фуршет в стиле рюсс на полсотни гостей – но кто, на фиг, будет это считать? Я уж не говорю про многочисленные ремонты и работы по переделке дома... Он, хоть и красавец, имел все же весьма солидный возраст, что не лучшим образом сказывалось на качестве всех труб и перекрытий. А иметь дело с местными ремонтными подрядчиками... Честное слово, после этого вся моя благотворительная деятельность в том же музее казалась мне детским садом. Из которого, заметим, все-таки выросла польза, сидящая напротив меня за столом.

– На чье имя оформлена ваша с мужем собственность? – продолжала Марсия. – Ну, недвижимость, банковские счета, что-то еще?

– Насколько я знаю, все находится в совместной собственности. Дом точно, и счета, и на мое имя записана часть пакета акций фирмы...

– Хорошо. Как вы узнали о происшедшем? От мужа? Он сам вам рассказал? И как долго это происходит?

– Нет. Я узнала... Случайно. Понимаете, мы перепутали телефоны, и я...

– Понимаю. Он сам вам ничего не сообщал. Есть ли у вас какие-то прямые доказательства? Ну, например, доступ к распечаткам его телефонных разговоров?

– Есть. Я уже их смотрела. Судя по ним, все тянется как минимум три месяца.

– Снимите с них копии, если можно.

– Конечно, можно. Более того, я уже их сняла.

– Замечательно. И проверьте, если вы этого еще не делали, все банковские счета – нет ли там каких-нибудь странных трат, доказывающих его поведение.

– Я проверила счета, Марсия. И там действительно есть эти, как вы говорите, странные траты. Рестораны, мотель, драгоценности. Конечно, это может ничего не значить...

– Может, Лиз. Но вы же понимаете, что может быть и наоборот. И лучше об этом знать.

Официант принес нам нашу еду, и мы прервались. Оказывается, все это время я сидела, сжимая кулак под столом и глядя вниз, куда-то себе на колени. Тут я наконец сумела поднять глаза и взглянуть на свою собеседницу. Лицо ее было теплым и немного грустным, и смотрела она сочувственно. Причем это было очень правильное сочувствие – не назойливое, не чрезмерное, а какое-то как будто чуть-чуть отстраненное, но именно такое, как надо. Оно не обижало, а приглашало к беседе, если вы понимаете, что я имею в виду.

Мы приступили к еде, и Марсия улыбнулась мне через стол.

– Не волнуйтесь. Все будет в порядке. Пока то, что я слышу, очень благоприятно для вас. Учитывая, естественно, паршивость всей ситуации в целом. А как вы видите для себя выход из этой ситуации, Лиз? Что вы хотите получить? Развод?

Я задумалась. Честно говоря, я и сама пока не знала ответа на этот вопрос. Мне и подумать-то толком было некогда. Уверена я была только в одном – я не хочу оставаться идиоткой. Из меня и так, как выяснилось, слишком долго ее делали. А уж как это будет называться с точки зрения закона...

Так я и решила сказать. В конце концов, я же для того и пошла к адвокату, чтобы он мне советовал.

– Понимаете, Марсия, я не знаю точно, чего хочу. Я пока знаю только, чего не хочу. Я не хочу, чтобы меня считали дурой. Я не хочу остаться без копейки. Я не хочу судиться с мужем из-за денег. Я не хочу, чтобы у меня были проблемы с оплатой образования сына. Я не хочу потерять свой дом. Что касается мужа... Я всегда доверяла ему, а вот теперь... Я больше не могу на него рассчитывать. Кто знает, что еще может случиться? И потом, если есть другая женщина, мне придется иметь дело не столько с мужем, сколько с ней... Я не уверена, что мне так уж нужен развод. Если честно, я не задумывалась об этом как следует. Может быть, мы сумеем все уладить, а может быть – нет. Мне пока слишком больно об этом думать. Но в любом, понимаете, в любом случае я хочу обезопасить свое будущее. С точки зрения закона. Я понимаю, это звучит сумбурно и нелепо, но, может быть, вы все же сумеете мне что-то посоветовать?

– Конечно, – снова улыбнулась Марсия. – И поверьте мне, Лиз, то, что вы говорите, не сумбурно, а очень осмысленно. Я бы сказала, что вам не нужен адвокат, но это противоречит нашей корпоративной этике. – Она подмигнула мне. – А теперь к делу.

– Да. Я слушаю.

– Я думаю, Лиз, то, что вам может понадобиться в данной ситуации, это не развод, а раздельное проживание. Legal separation. Это, естественно, в случае, если вы не уладите все между собой. При таком статусе супруги официально полностью разъезжаются, проживают отдельно, счета ведут раздельно, воспитывают детей... Впрочем, к вам это не относится, в вашем случае никакой опеки над детьми нет, и это к лучшему. Этот статус оформляется гораздо проще, чем развод, тут нет судебного заседания, вам нужно будет просто поручить адвокату все оформить и один раз подписать бумаги. Дальше все будет согласовано между юристами обеих сторон, и статус легализуется. А по прошествии двух лет Legal separation почти автоматически переходит в развод. Если, конечно, нет никаких осложнений.

– А какие могут быть осложнения?

– Ну, если кто-то из супругов не соглашается на условия Legal separation. Споры из-за имущества, из-за детей. Впрочем, дети, как я уже сказала, к вам не относятся. А вот иму-

щество... Но в случае совместной собственности больших проблем, как я понимаю, быть не должно. Еще может встать вопрос алиментов. Вы знаете, что вам будут полагаться алименты как неработающей жене? Причем такие, чтобы вы могли вести привычный вам образ жизни.

Этого я не знала. Хотя что-то позитивное.

– Марсия... Я еще хотела спросить... Я, перед тем как идти на нашу встречу, прочла вашу инструкцию на сайте. И... Ну, в общем, я последовала ее совету... Насчет совместных счетов. Это правильно?

– Конечно. Вы их заморозили?

– Не совсем. Я просто перевела все деньги с наших совместных счетов на свое имя. Это нехорошо, да? Но я испугалась, заморозить – это как-то непонятно... А так, в принципе, все обратимо. Я могу вернуть половину...

– Это... Хм... Ну, это, в принципе, может быть при желании истолковано не в вашу пользу, Лиз, но с другой стороны... Все легальные процессы – дело небыстрое. Допустим, ваш муж захочет отсудить у вас эти деньги, или не согласится на выплату алиментов, или будет оспаривать что-то еще... Вы будете отвечать, время будет идти... Я бы на вашем месте не очень торопилась с возвратом, если вы меня понимаете... Заметьте, я не спрашиваю у вас деталей. А что у вас с недвижимостью?

– Дом. Он записан на нас обоих. Теперь его, конечно, придется продать, но это, как я понимаю, дело небыстрое.

– Продажа – да. Может и год занять. Он ведь у вас в кредит?

– Нет. Он свободен от кредитов. Мы полностью все выплатили. Наоборот, когда я обнаружила, что муж втайне от меня пытается получить под него кредит...

– Лиз, а вы сами совсем не думали о том, чтобы его заложить? В подобном случае – я имею в виду поступок вашего мужа – вы совершенно спокойно и законно можете сами открыть кредитную линию на половину стоимости дома, вынуть эти деньги и предоставить окончательную продажу мужу. Ну, или наоборот – отдать деньги ему, а себе оставить дом. Если, конечно, вас это устраивает. Любой агент по кредитам сделает вам это за два часа. Да вы и сами можете это сделать.

– Нет, я не думала об этом. Но это интересно. Спасибо, Марсия. И за идею, и вообще за все. Вы на самом деле мне очень помогли. Как мне оплатить ваше время?

– Оставьте, Лиз. Мне было приятно вам помочь. Мы, женщины, все должны помогать друг другу.

– Да, но все-таки. Это ваша работа. И, кроме того, я все равно должна это узнать, если я все-таки решу начать этот процесс... В общем, сколько мне будет стоить ваша помощь?

– Здесь есть два варианта. Или почасовая оплата, или же процент от выигранной вами суммы. Я бы рекомендовала вам, Лиз, именно второй вариант. В этом случае, как вы понимаете, я буду лично заинтересована в разрешении дела к вашей максимальной выгоде. Я не могу, Лиз, пообещать вам, что, когда все закончится, вы будете так же счастливы, как раньше, но то, что вы будете хорошо обеспеченной женщиной, я вам практически гарантирую. Пожалуй, я взяла бы с вас даже меньший процент. Обычно я беру пять, но ваш случай настолько чистый и речь идет о таких значительных суммах, что пусть будет три. Три процента по полному завершении процесса. Никакого аванса не нужно.

– Спасибо, Марсия. Я, наверное, так и сделаю, в смысле, выберу именно этот вариант. Но... Я должна еще подумать. Марсия, а вы уверены, что не обижаете себя?

– Перестаньте. Подумайте, Лиз, и если решите оформлять Legal separation, вы знаете, как меня найти. У вас есть мой мобильный телефон?

– Нет.

– Вот, возьмите визитку. Здесь есть этот номер, для близких клиентов. И знаете что, Лиз?

– Что?

– Я хочу сказать, что вы потрясающе держитесь. Поверьте, я знаю, что говорю. Мне приходится видеть всякое, но вы молодец. Ситуация сама по себе очень противна, но далеко не каждая женщина ведет себя с таким достоинством.

– Да ну, Марсия. Спасибо, конечно, но это незаслуженно. Я, право же... Я просто не успела выйти из шока.

– То есть?

– Я узнала обо всем сегодня утром, и...

– Сегодня утром? Лиз, повторяю, я видела многое, и меня нелегко потрясти, но вам это удалось. Вы потрясающая женщина.

– Честное слово, Марсия, я предпочла бы в этом месте не выделяться, и уж тем более никого не потрясать. Если честно, я и с вами лучше бы встретила по другому какому-нибудь поводу. Но – что поделаешь?

– Держитесь. У вас все будет очень хорошо, я в этом уверена. Звоните мне, если что. Берегите себя.

Она ушла, а я еще какое-то время посидела за своим столиком в одиночестве. Отрадно было узнать, что я все сделала правильно. Всегда уважала себя за способность и умение мыслить. Надо будет обдумать как следует этот вариант с закладом дома, тут есть рациональное зерно. Взять деньги и уехать, и пусть разбирается, как хочет. Пусть хоть полный дом зайчиков наведет!

Мой дом? Зайчиков? Нет, ни за что! Хотя... Какой он теперь, к черту, мой? Я все в нем делала для семьи, для нас, для него, для мужа, который был – я, а что теперь? Теперь, даже если мы и помиримся, и останемся в нашем доме, все равно ничего не будет, как раньше. Потому что я всегда буду знать...

Ладно, не раскисай. Еще не время. Успеешь наплакаться позже, потом, когда все кончится уже совсем-совсем. Ну, или хотя бы на сегодня. А пока нам еще предстоит беседа с непосредственным участником событий, и силы для этого ой как нужны. Да и слезы, наверное, тоже.

Придя домой, я сразу автоматически отправилась на кухню. Я люблю свою кухню, она большая, светлая и удобная, а главное – как раз такая, как нужно именно мне. Я перестраивала ее три раза, с каждым ремонтом все больше подгоняя под себя, и теперь могу делать в ней все, что угодно, не совершая ни одного лишнего движения, хоть с закрытыми глазами. Даже теперь, когда Женька уехал, и мне не нужно каждый день готовить свежий обед, я все равно провожу здесь много времени. Пью чай, читаю газеты, просто сижу в углу на диванчике, иногда что-нибудь пеку...

У меня хорошая плита, правда, не профессиональная с восемью горелками размером с вечный огонь, а человеческая. Но главное, у меня есть пара встроенных на уровне пояса духовок для выпечки и мраморный прилавок, как в старой Филипповской булочной, для раскатывания теста. Пока в одной духовке томится начиненная яблоками, орехами и черносливом индейка ко Дню благодарения, в другой можно с легкостью изготовить сотню-полторы пирожков для приема человек на пятьдесят «для своих». Не удивительно, что самые удачные сделки Ник совершал именно у нас дома, с набитыми по самые уши пирогами партнерами, а приглашение к нам в гости приравнивалось сотрудниками фирмы к ордену Славы.

Я люблю печь. Пироги, сладкое печенье, даже просто хлеб. Мне нравится, когда в доме пахнет свежей выпечкой, это так уютно. Так тепло. Мне кажется, в такой дом хочется возвращаться, и из него не хочется уходить. С этим, впрочем, я, похоже, ошиблась. Ну что ж. Жалко будет продавать. Для продажи, кстати, было бы как раз лучше, если бы здесь стояла здоровенная профессиональная плита или какая-нибудь АГА, готовить на которой так же удобно, как на полевой кухне. Это сейчас в моде. А сама кухня должна быть вся отделана в стиле хайтек – стальные поверхности, хромовый блеск и куча неизвестных науке сложных технических гэд-

жетов, как в космическом корабле. При последнем ремонте мой прораб изо всех сил меня агитировал сделать именно так, и даже свозил на экскурсию в дом, который ремонтировал перед этим. Все было стерильно, блистало и сияло, как новая прозекторская. Беда была только в том, что сама хозяйка заходила в эту кухню раз в полгода, и явно не за тем, чтобы готовить. А я в своей кухне живу. Жила. Может быть, в своем новом доме я и сделаю этот модный аналог операционной – все равно буду жить одна, кому мне будет готовить... Хотя зачем мне одной – целый дом?

Лучше пойду отсюда, слишком тошно. Не буду же я сегодня готовить ему ужин, в конце концов. Пойду наверх, в кабинет, посижу в интернете, пока Ник не вернется. Кстати, нужно еще перебраться из спальни куда-нибудь в гостевую комнату. Или выселить его? Я так плохо сплю на непривычном месте... Хотя, наверное, по большому счету все равно – какой уж тут сон.

Ник вернулся около десяти вечера. В последнее время он всегда возвращался поздно, говорил – много работы, и я еще жалела его, как идиотка, и уговаривала не надрываться. Работа! Все-таки удивительно, как долго и счастливо можно пребывать в состоянии слепой дуры и как все становится очевидно, лишь только дашь себе труд открыть глаза. Ну, или если тебе их откроют насильственным образом. Но больше я из себя делать дуру не дам.

Я спустилась вниз. Ник успел переобуться и пройти в кухню, где и оглядывался в недоумении, не обнаружив привычно накрытого ужина на столе.

– Привет, дорогая. – Привычным жестом он чмокнул меня в щеку. Я непроизвольно откатнулась в сторону, но он не заметил. – А что, еще не готово?

– Что не готово?

– Как что? А ужин?

– Я поела в городе.

– А я?

– Я не знаю, где ты ел. Возможно, на работе? В любом случае, мне все равно.

Тут он наконец заметил, что в датском королевстве что-то неладно.

– Лиза, ты что? Что-то случилось? Ты плохо себя чувствуешь?

Я вдохнула поглубже и кинулась, как с обрыва в воду.

– Да. Я чувствую себя очень плохо.

– Что с тобой случилось?

Тон, вроде, обеспокоенный. Звучит, правда, некая нотка докуки, дескать, что там еще у нее, но очень слабая, надо отдать должное. Вполне можно было бы не заметить... Ник никогда не любил, когда я болею, хоть это и случалось нечасто. Мои болячки воспринимались в доме, как посягательство на личный комфорт моих мужчин, и я старалась не залеживаться.

Забавно, что этот разговор, которого я так боялась, получался у меня пока легко, словно бы сам собой, и – совершенно отстраненно. Как будто это не я, и все не со мной, а просто я смотрю какой-то дурацкий спектакль, и при этом мне ясны не только слова актеров, но даже их внутренние мысли. Даже забавно, честное слово. Вот только знать бы, чем кончится.

– Случилось не только со мной, Ник. Случилось с нами. Может быть, ты знаешь, что я имею в виду?

– Понятия не имею.

Я молча протянула ему на ладони его телефон. Он быстро схватил его, но потом, спохватившись, явным усилием воли небрежно сунул в карман.

– Ну да, мы сегодня перепутали телефоны. Я тебе еще когда говорил, что покупать одинаковые было идиотизмом. Но ведь ничего страшного не случилось, правда?

Ох, Коленька, как же тебе хочется, чтобы ничего не случилось... И ты ведь прекрасно знаешь, что именно страшное может произойти, уж настолько-то я тебя понимаю. Но нет, голубчик, сегодня у сказки не будет хорошего конца.

– Страшного, может, и не случилось... Но мерзкого – пожалуй.

– Ты о чем, Лиза? Я устал, не морочь мне, пожалуйста, голову. Лучше дай что-нибудь поесть. Я, между прочим, с работы.

Ну да. Лучший способ защиты – нападение. Ты еще не знаешь, от чего защищаться, а весь арсенал уже пущен в ход. «Ничего не знаю, ты сама дура, займись лучше непосредственными обязанностями, отвлекись, может, пронесет. К тому же я тебя кормлю, если ты забыла, и надрываюсь для твоего же блага». Нет, милый, не пронесет.

– А что же, твой зайчик тебя так и не покормил? Или как ее там – котеночек?

В глазах – мгновенный испуг.

– Что ты несешь? Какой еще котеночек?

Держится. Не сдается. Стойкий оловянный солдатик.

– Который весь день писал тебе смс-ки. Честное слово, замучилась читать всю эту пошлятину. К тому же неграмотная, через слово ошибки. Неужели тебе это нравится?

Получи, фашист, гранату!

– Господи, Лиза, какая ерунда! Это ошибки провайдера, такое бывает по сто раз в день. И ты из-за этого устраиваешь мне идиотскую сцену ревности?! Честное слово! Все, я пойду тогда спать!

Ага, наорать несуразицы и бежать скорее с поля боя, пока не разобрались. А там – голову в песок, утро вечера мудренее, трава не расти. С утра слинять скорее на работу, а к вечеру, глядишь, дура-жена все забудет и образумится. Как ребенок, честное слово. Ведь столько лет вместе прожили, мог бы начать хоть что-то понимать. Даже жалко его, убогого, но делать нечего, надо учить.

– Нет, Ники, подожди. Присядь, пожалуйста. Я, конечно, домохозяйка, но далеко не идиотка. Хотя, согласись, было бы удобно, правда? Провайдер может ошибаться, кто ж спорит, и смс-ки приходят не туда, бывает и такое, но зачем ты часами разговариваешь с их автором? Убеждаешь, что он, вернее, она, ошиблась номером?

Он еще не до конца понял, что попался, но в глазах уже металась неуверенность.

– Я не понимаю, Лиза?

– Я думала, ты умнее, Ники. Или хотя бы честнее. Мне казалось, мы вполне можем доверять друг другу. – С этими словами я положила перед ним на стол пачку распечаток телефонной компании, где старательно выделила маркером его разговоры с известным номером.

– Вот, вот и вот. Каждый день. По несколько раз. И так три месяца – дальше я не стала распечатывать, мне было противно, но, думаю, и этого вполне хватит. Может, теперь ты мне что-нибудь объяснишь?

Он замолчал. Сидел, опустив голову, глядя в одну точку где-то на распечатке. Думал. Я почти физически видела, как быстро-быстро крутились шарики у него в голове. Знает ли она еще что-нибудь? Уже признаваться или можно как-нибудь отмотать? И если признаваться, то в чем и сколько? Нет ли где-нибудь щелочки увильнуть? Я могла бы ему помочь, если бы хотела. Сказать про мотель, про банковские счета. Но пока ждала. Молчала. Тянула паузу. Мне было интересно. Больно, но одновременно интересно. Пожалуй, через собственную боль я даже получала какое-то извращенное удовольствие от этого спектакля. Доктор, это садизм или мазохизм? Что с нами будет, доктор?

Он внезапно встал, отошел к стене. Достал бутылку, стакан. Щедро плеснул себе виски. Залпом отпил. Я с трудом подавила в себе невольный порыв закричать, чтоб не пил натошак, будет язва. Вовремя сдержалась. Какое мне, в сущности, теперь дело до его язвы? Сегодня наша язва – это я. И потом – пусть зайчик корячится с его больными кишками, я за это больше не отвечаю.

Ник снова сел, допил виски, налил еще, поменьше. Поглядел на меня искоса, исподлобья. Взгляд был жалобный и одновременно наглый. Я молчала. Пауза висела. Наконец он не выдержал.

– Ну да, Лиза. Ты была права. Да, я разговаривал. Это девочка, китаянка, она была у нас в конторе, типа практикантки, младший программист. Пробовалась к нам на работу, но не прошла испытательный срок. Ужасно расстроилась. Я ее жалел, принимал в ней участие. Поддерживал немного. Потом привязался незаметно. Но мы только разговаривали, ты не подумай. Я знаю, что это неправильно, но в этом нет ничего уж такого плохого... Ты мне веришь?

Врет, опять врёт, мамочка дорогая, ну когда ж это кончится-то. Противно как... В мотеле он с ней разговаривал, утешитель хренов.

Я покачала головой.

– Я, Ники, конечно, тебе верю. Куда ж мне деваться? Я тебе всю дорогу верила, пока ты девочек успокаивал, поверю и сейчас. Вот только что мне со счетами делать?

– С какими счетами?

– С банковскими, Ники. С отчетами по твоей кредитке. Я их проглядела сегодня, ты уж извини. И вот они-то, Ники, не хотят тебе верить. Прямо, ты понимаешь, в голос кричат. И про ресторан, и про мотель. А я что? Я и не такому могу поверить. Но почему-то не хочу. Не хочу! Понимаешь, Ники? Я не хочу больше быть идиоткой, которая верит каждому твоему слову! Тем более что я тоже вижу, что это – вранье! Ты мог бы меня хоть в этом не унижать.

И вот тут он понял, что сгорел совсем. И, кажется, в первый раз испугался по-настоящему. Но и я к этому моменту заметно поутратила прежние спокойствие и отстраненность, так что мы, пожалуй, были на равных.

– Прости, Лизка, я... Я дурак, мог бы догадаться, что ты все знаешь. Но мне так не хотелось тебя огорчать...

Я горько усмехнулась.

– Ну да. Отрубим хвостик по частям, чтобы собачка не мучилась. Но черт с ним, с хвостиком, Коля, это, в сущности, мелочи. Ты мне три месяца врал... Или больше? Сколько это все у тебя продолжается?

– С Рождества примерно, чуть раньше, – ответил он, не глядя на меня.

– Значит, почти полгода. Что уж значит на этом фоне еще какое-то малозначительное вранье? Я вообще не понимаю, как ты мог? Как ты жил-то все это время, разговаривал со мной, целовал, спал... И все время врал?! И в Новый год?!

Я задохнулась и замолчала. Меня снова накрыло горячей волной возмущения и жалости к себе. Новый год... В этом году Женька первый раз не приехал на Рождество домой, решив встретить его с университетскими друзьями, а точнее, как я понимала, с девушкой, и мы остались вдвоем. На само Рождество мы съездили в гости к друзьям, а Новый год, который для меня все эти годы оставался все-таки более важным из этих двух праздников, решили встречать дома. Я нарядила елку, приготовила традиционный стол с салатом оливье и селедкой под шубой... Вдвоем, без Женьки, без гостей, шума, радостных криков и праздничной суеты, было слегка непривычно, но неожиданно хорошо. Почему-то романтично и слегка таинственно. Коля разжег камин, мы сели прямо на полу возле елки, пили красное вино вместо шампанского, разговаривали, целовались... Я даже пробку потом нашла и сохранила, на счастье. И выходит, все это время он знал... Вспоминал и думал о какой-то другой девице?! Может быть, даже жалел, что на моем месте не она? Мерзость, мерзость.

Мне снова захотелось закричать, даже ударить его, сказать ему что-нибудь гадкое, такое, чтобы он взвыл от боли, чтобы ему стало так же, как мне сейчас, чтобы он... Но я сдержалась, досчитала про себя до десяти и только спросила сквозь зубы:

– Что ты собираешься со всем этим делать?

– То есть – что делать? – не понял он. – Сейчас?

– Я не знаю, сейчас, вчера, вообще! – не выдержав, закричала я. – Неважно! Так же дальше не может оставаться!

– Да, наверное, – неуверенно сказал Ник.

– Вот я и спрашиваю – что ты собираешься делать?!

Он посмотрел на меня затравленно, как будто это я все устроила. Ужас, ужас. Где-то в голове промелькнула вереница подходящих к случаю советов из какого-то бабского журнала. «Не давите на него, дайте ему время, дайте ему шанс...» Наверное, я делаю глупости, но я тоже так больше не могу.

– Я хочу знать, что – ты – собираешься – делать? Я хочу это знать сейчас, здесь, немедленно! Я тоже живой человек!

– Да, Лиза, конечно... Я понимаю... Я постараюсь что-нибудь... Но, видишь ли, дело в том... В общем, я не могу вот так сразу. Она... Я... Она очень тонкая, ранимая, я не могу ее обидеть. Мне было с ней хорошо. Это тоже стало частью моей жизни, и прямо так... Она мне тоже нужна. Дело в том... Со временем я как-нибудь...

Это было слишком. То есть вообще все это было слишком, но уж его последнее заявление... Я разозлилась до белых пятен в глазах, и это, наверное, меня спасло, потому что от ярости я вновь обрела способность четко формулировать свои мысли и видеть ситуацию как бы со стороны.

– Очень хорошо, Коля, то есть Ник. Я все понимаю. Ты свободный человек, немножко женатый, правда, но тем не менее. У тебя, как у любого человека, есть право выбора, ты можешь им воспользоваться, и никто не в силах тебя этого права лишить.

– Я не собираюсь... Не выбираю... Ты пойми...

Я сделала ему знак рукой, чтоб замолчал. Собьет еще сейчас с мысли своими бляньями.

– Не перебивай. У тебя есть право решать, я или она, и есть право жить так, как ты хочешь, и выбирать самому. Я на твои права не посягаю. Но у меня – у меня! – тоже есть право выбора. Понимаешь? Я тоже могу выбирать, как мне жить, и я тебе говорю совершенно четко, что я с этой мерзостью жить не буду. Ни дня, ни секунды. Хватит! Ты можешь выбирать, разбираться и вообще делать, что хочешь, вы все тут такие тонко чувствующие люди – но я в этих ваших играх не участвую. Я выхожу!

Он пялился на меня, не моргая, явно ошарашенный моим выпадом. Потом опомнился, замахал руками.

– Лиза, Лиза, ну что ты говоришь? Куда ты пойдешь? Я же не к тому, я без тебя не могу, я никогда и не помышлял... Нет, ты неправильно поняла, ты моя жена и ей останешься, просто мне надо время...

– Время?! – заорала я. – Бремя, блин, стремя! Как ты себе это все представляешь? Я – твоя жена, без нее ты не можешь, без меня – тоже! И при чем тут время? Мало тебе полгода было? Какого черта ты вообще все это начинал, если я тебе так нужна?

– Я не начинал... Не думал... Оно так получилось, постепенно... Черт, ну я не знаю, как тебе объяснить...

– Да что тут объяснять? «Не виноватая я, он сам пришел!» В общем так, Коля. Я больше не могу это обсуждать. Завтра я звоню своему адвокату, она пришлет тебе все бумаги. Меня вполне устроит половина всего имущества, и разойдемся друзьями. Кстати, чтобы ты не переживал об имуществе – я перевела все наши закрытые суммы на свой личный счет. На всякий случай, знаешь ли. А то кругом все такие тонкие, нервные, мало ли что...

Это, конечно, был удар ниже пояса. Мой муж может очень любить меня, или сына, или свою загадочную китаянку с заячьими ушами, но главным для него всегда останется его благосостояние. Свои деньги он все равно любит больше всех. Наверное, это рефлекс, подкорка, в конце концов, он тоже был в свое время бедным вместе со мной, а для мужчин это, наверное, еще тяжелее, и он страшно гордился своими успехами в бизнесе, и фирмой, и особенно ее

доходами, и зримым их выражением... В общем, если я и хотела попасть куда-нибудь побольше, мне это наконец удалось.

– Что-о ты сделала? – взревел мой муж.

– Не ори. Я открыла счета – да, пришлось, конечно, заплатить банку штраф, не без этого, но я не стала мелочиться. И перевела все деньги на свой, на мое то есть имя открытый счет. Вот так. Взяла и перевела, всего делов-то было на полчаса. Кстати, твою кредитку я не трогала – надо же и зайчику немножко капустки оставить. Оцени мое благородство. По крайней мере, я тебе сама об этом говорю.

Но Ник не оценил. И намека тоже не понял.

– Да уж, куда как благородно. И что ты собираешься делать с моими деньгами?

– Ну, во-первых, там половина моя. А может быть, даже больше, я еще точно не подсчитывала. Делать пока ничего не собираюсь – пусть полежат, есть не просят. А дальше все будет в зависимости от того, как мы с тобой разойдемся. Может, верну тебе твою половину, может...

Он перебил меня:

– Лиза, ты ведь шутишь? Ведь это все не так, правда? Ну скажи, что ты пошутила...

Жалобно так...

– Да нет, дорогой, какие уж тут шутки. Мне, знаешь, как-то не до шуток теперь. И еще. Завтра я позвоню агенту, выставим дом на продажу...

Ник взревел.

– Я не дам продавать дом! Это мой дом! Ты сошла с ума! Я вообще не желаю говорить на эту тему!

Я пожала плечами.

– Как хочешь. Мне эта беседа тоже специальной радости не доставляет. К счастью, адвокат мне сказал, что все можно будет оформить без личных переговоров и обсуждений, даже встречаться больше не обязательно. Завтра я пришлю тебе все бумаги.

С этими словами я поднялась на ноги и, плавно покачивая бедрами, не спеша вышла из кухни. Скрывшись из его поля зрения, быстро-быстро взбежала на второй этаж и заперлась в гостевой спальне, куда еще раньше перенесла свою постель. Прижалась спиной к двери, выдохнула... Постояла так чуть-чуть – и наконец позволила себе разреветься. Потому что уж теперь больше не было никаких причин откладывать это дело. Господи, как же я ждала этого момента.

Слезы, весь день сдерживаемые титаническим усилием воли, хлынули, как из какой-то бочки. Я тряслась, всхлипывала, подвывала, причитала что-то тоненько себе под нос, оплакивая и Колю, и себя, и всю нашу бывшую прекрасную жизнь. Не переставая рыдать и не раздеваясь, я забралась в постель и натянула на голову одеяло. Кажется, Коля пришел и стучался в дверь. Кажется, он стоял там какое-то время, уговаривая меня открыть и перестать. Не знаю. Не помню. Мне было все равно. Я спряталась, я не виновата.

Проснувшись я очень рано – за окнами только-только начинал брезжить день. Собственно, я не была до конца уверена, что проснувшись, потому что не знала, спала я вообще или просто лежала в полузабытьи, доведя себя слезами до отключки, но это было и неважно. Важно, что я проснулась и пришла в себя. Глаза видели свет, а голова снова была в состоянии действовать. Говорят, когда просыпаешься после тяжелых потрясений, первое ощущение – как будто все плохое только приснилось. Я ничего подобного не почувствовала – все мое плохое никуда не делось. Но так, наверное, даже легче. По крайней мере, не надо привыкать к нему заново. Просто встаешь – и тащишься дальше со своим камушком на шее. А потом и совсем, поди, с ним сроднишься, и замечать перестанешь...

Тащиться-то мне, собственно, в буквальном смысле было некуда. Встречаться с мужем совершенно не хотелось, надо просто дожидаться его ухода. Эх, дура, не сообразила вчера ком-

пьютер сюда притащить, залезла бы сейчас в интернет, и время бы прошло с пользой, ну да ладно. Он все равно скоро уйдет. Дождусь. Подремялю.

Я слышала шаги Ника в коридоре. В одну сторону, в другую... Чего он там разгуливает? Неужели вещи собирает? Интересно, это хорошо или плохо?

Я не успела решить, рада я буду, если он уйдет-таки с вещами, или же огорчусь. Шаги затихли у моей двери. Ник тихо поскреб дверь со своей стороны.

– Лиза? Лиза, ты спишь? Ты там жива?

Молчу. Вообще-то трудно придумать более идиотский вопрос. А отвечать на него было бы с моей стороны еще глупее.

Ушел. Спустился вниз по лестнице. Интересно, он еще завтракать будет или прямо так уйдет? Обычно-то завтрак готовлю я, и вовсе не факт, что прекрасный Ники сумеет самостоятельно отыскать в холодильнике свой любимый йогурт. Тем более что он вчера закончился, а в магазин я так и не попала. А уж чтобы он себе хлопья в шкафу нашел – это и вовсе утопия.

Выждав еще с полчаса, я осторожноенько открыла дверь, на цыпочках подошла к лестнице и прислушалась. Тихо. Похоже, ушел.

На кухонном столе сиротливо темнела кучка просыпанного кофе, и лежали рядышком два одинаковых мобильных телефона. На, дескать, проверяй! А то я такая дура, и впрямь поверю, что он зайчику хвоста еще вчера не накрутил, чтоб не слал свои записочки, куда не надо.

Я вытерла со стола, налила себе апельсинового сока. Есть не хотелось, но я сделала над собой усилие и против воли записнула в организм пару сухариков с джемом. Больше я и никогда-то не ем, но совсем отказываться от еды не дело, организм должен функционировать. У нас с ним на сегодня дел полно.

Так, дела. Первое – позвонить Марсии, сказать про бумаги. Но сейчас еще рано, это можно сделать часа через два. Второе – дом. Позвонить агенту, выяснить, сколько он будет стоить и как его продавать. Говорить он, видите ли, об этом не хочет! В смысле, не дом, а муж... Ну и не надо. Продадим без разговоров. Хотя, если он заупрямится и не подпишет бумаги на продажу... Тогда ему же хуже – сделаю, как говорила Марсия: открою под дом кредитную линию, свою половину заберу, и пусть дальше разбирается, как хочет. Но агенту все-таки позвонить надо.

Интересно, для этого любой сгодится? Хотя зачем мне любой? Я лучше позвоню той агентше, которая в свое время нам этот дом продавала. По крайней мере, не придется объяснять все заново. Помнится, это была забавная тетка, русская – тогда нам это казалось надежнее, и у нее еще фамилия такая смешная, и глаз один косил... Как же ее звали? Хромая? Кривая? А, точно – Косая. Полина Косая. То есть, она, конечно, называла себя на здешний манер – миссис Коссой, но суть-то от этого не менялась.

Найти в справочнике телефон нужного агентства недвижимости и попросить к телефону миссис Коссой было минутным делом.

– Полиночка? Здравствуйте. Вы меня, наверное, не помните, меня зовут Лиза Будберг, и мы у вас покупали дом примерно лет десять назад.

– Это какой дом? – бодро переспросили меня в трубке.

– Ну такой, двухэтажный, в... – я назвала наш пригород.

– Виктория, кедровая дранка, два этажа, три с половиной спальни, полторы ванны, старые трубы, пятьсот двадцать тысяч? Как же не помню, прекрасно помню, здравствуйте, Лизочка. Чем могу вам помочь?

Я, слегка обалдев от такой профессиональной памяти, промямлила ей пару комплиментов, и только потом, придя в себя, смогла перейти непосредственно к делу.

– Полиночка, я, собственно, хотела у вас поинтересоваться – а сколько, к примеру, мог бы этот дом стоить теперь?

– Лизочка, а вы что – хотите продавать?

Если возможно в принципе представить себе акулу, учуявшую дичь и вставшую в охотничью стойку, то это было как раз то, что при моем невинном вопросе случилось на другом конце трубки.

– Мы думаем, – ответила я уклончиво. – Хотелось бы представить себе состояние рынка. Но акулу так легко не собьешь.

– Давайте я к вам приеду, я через десять минут смогу быть у вас, и мы на месте все посмотрим, и договорчик я прихвачу, и...

Но вынести в своем доме мадам Косую прямо вот так, без специальной подготовки, я не могла.

– Нет, Полиночка, милая, это пока рановато, вы мне на словах скажите, я должна еще с мужем обсудить.

– Ну, если на словах, тот дом, что я помню, будет сейчас стоить миллиона два, два с небольшим. Сейчас еще и рынок вялый, вот если бы год назад, тогда другое дело, тогда любую рухлядь, как пирожки, разносили, а у вас еще и район такой хороший, самый дорогой почти район, но спроса почти нету, только если подешевле поставить или уж сентября подождать, тогда тоже поживее будет, а так – дом старый, ремонта в нем... Лизочка, вы с ним что-нибудь делали?

– То есть?

– Ну, какой-нибудь ремонт?

– А как же, Полиночка, он же старый был, конечно, делала. Все время какой-то ремонт делала, и проводку всю поменяли, и трубы, и чердак, и лестница новая, и две ванны достроили, и кухню. Кухню я вообще три раза перестраивала, и в комнатах весь ремонт, и потолки, и полы, и обои, и окна новые, и витражи восстановили. В подвале я прачечную новую сделала, и еще бильярдную комнату...

– Так это же совсем другое дело, Лизочка, что же вы мне голову морочите? Если и ремонт, и трубы, и кухня... Нет, конечно, я все равно должна сама все посмотреть, отделка там, материалы, но если все, как вы говорите, то это примерно... Миллиона три с половиной, я думаю, легко можно взять. Ну там, конечно, плюс-минус сто тысяч, а может, даже и побольше, особенно если вам не к спеху, так можно цену немножечко и поднять. Лизочка, может, я все-таки подъеду? Я бы посмотрела и сразу вам все точенько бы сказала...

Три с половиной миллиона??? Три! С половиной! Миллиона! Я обалдела от этой суммы. Нет, теоретически, конечно, я знала, что дом у нас дорогой, он и был дорогой, а за пятнадцать-то лет цена его естественным образом выросла в несколько раз, это тоже не тайна, но все равно, когда тебе это говорят вот так, сразу... Три с половиной миллиона! И если даже я возьму только половину, то все равно буду миллионершей... Ой, мама дорогая, это, пожалуй, становится даже забавным. Интересно, Ник хоть представляет себе, сколько стоит наш дом? Хотя что это я – конечно, представляет, он же перед залогом тоже должен был пройти тот же самый путь...

Я несколько резковато распрощалась с Косой-агентшей, сказав, что должна еще раз все обдумать, посоветоваться с мужем (ха-ха), и повесила трубку.

После этого разговора я окинула свои владения новым взглядом. Надо же, три с половиной миллиона. А я жила себе и ничего не знала. Даже обидно, что так скоро придется со всем этим расстаться, а то бы пожила миллионершей. Как все-таки по-дурацки иногда устроена жизнь.

Я позвонила Марсии, и она обещала мне подготовить все документы к завтрашнему утру. Мы назначили встречу для подписания бумаг на двенадцать, после чего, обещала мне она, я смогу больше не беспокоиться о своем статусе и считать себя морально свободной. Дальше

моими делами будет заниматься она. Я взглянула на часы. Они показывали половину второго. Существованию моего замужества оставалось меньше двадцати трех часов. Я решила подождать, когда их останется двадцать, и что-нибудь выпить в честь нашего двадцатилетнего брака. Двадцать лет, Боже ты мой, двадцать лет. Даже несколько больше, потому что мы поженились в конце осени, а сейчас почти лето, но не будем цепляться к мелочам. Двадцать – красивое круглое число. Мелькнула мысль позвонить Нику и предложить ему отметить вместе, в конце концов, он тоже имеет право, но я ее – мысль – отвергла, как излишне сентиментальную.

До знаменательного момента оставалось, тем не менее, часа два, и я решила, последовав совету Марсии, разобраться более детально с условиями получения кредита под мой теперь уже почти бывший дом. Ну, хотя бы чтобы посмотреть, что же там Ник такое хотел сделать...

Я достала письмо-отказ из банка, внимательно изучила все формы. Так, по заявлению... Владелец... Такого-то числа (месяц назад почти, между прочим)... Дело номер такой-то... Личный код... В случае изменения обстоятельств оговоренные условия сохраняются в течение месяца... Обращайтесь по адресу...

Я набрала в компьютере указанный адрес, вышла на вебсайт банка, ввела код. Условия, то есть сроки и проценты по кредитам, были очень симпатичными. Если бы чертов Ник спросил бы меня... Хотя нет – никогда бы я на это не согласилась, тем более, если бы он мне про зайчика рассказал. Я б его лучше честно убила на месте... Хотя... Тоже своего рода вариант... И я, не очень-то и всерьез, а больше из любопытства – получится или нет – кликнула мышкой по строчке «запросить новую форму для заполнения».

И они мне ее прислали. Очень быстро, буквально через десять минут. Я посмотрела – анкета для меня, как второго совладельца недвижимости, была крайне несложной. Еще через четверть часа я заполнила нужный бланк и отослала его. Мне пришел ответ: «Ваши данные проверяются, наше решение относительно кредита будет сообщено вам в течение сегодняшнего дня». Опаньки. И всего-то? Дня не пройдет, а мне, может быть, дадут денежку? И просила-то я у них (вернее, Ник просил, но это теперь неважно) всего ничего, каких-то два миллиона (число было такое красивое, круглое, ну и что, что больше половины, это же все равно понарошку), и пожалуйста – в течение дня?! Ну и порядочки у них в этих банках.

Если честно, я ни секунды не верила в то, что мне дадут эти деньги, я вообще с самого утра как-то всерьез не задумывалась над собственной судьбой, перемещаясь в пространстве как бы в слегка зомбированном состоянии после ночной истерики. Голова была пустой и легкой, только в висках слегка поламывало, да глаза болели от света. На душе было... Никак. Ни плохо, ни больно... Радость, естественно, тоже отсутствовала, с чего бы ей взяться. Наверное, мои действия, хотя я и старалась изо всех сил придать им оттенок отчетливости, квалифицировались бы, если бы хоть кому-то пришлось в голову их квалифицировать, как состояние аффекта.

Вот так, в состоянии аффекта, не приходя в сознание, вступила во владение двумя миллионами американских долларов...

Время подошло, и я спустилась вниз, налила себе полстакана виски – не люблю виски, оно горькое, но тут уж что под руку пришлось. И потом, у меня и повод нерадостный, так что правильно, что гадость – выпила залпом. Подавилась, конечно, закашлялась, чуть вообще не захлебнулась.

«Миллионерша покончила с собой в собственном доме, утопившись в виски!» Какие были бы заголовки газет, а? Наверное, я неправильно жила, нужно было ярче. Тогда, глядишь, и муж бы не ушел...

Внезапно я поняла, что не хочу сидеть больше одна дома, а хочу к людям. К тому же мог прийти Ник, пришлось бы опять с ним ругаться, а мне не хотелось. Ну что я ему скажу, что он мне скажет? Только расстроит опять, опять буду плакать, а зачем мне все это? Лучше пойду гулять.

Или нет. Гулять скучно. Лучше позвоню Нэнси, зайду к ней в галерею. Там хорошо, красиво, картины на стенах висят. Можно было бы купить в дом пару картин подороже, я ведь теперь миллионерша. Правда, у меня и дома-то нет, ну да неважно. Решено – пойду к Нэнси.

Садясь за руль, я немного струхнула, потому что, несмотря ни на что, понимала, что изрядно пьяна. Ну ладно, пусть не пьяна, но выпивши, а поскольку я делаю это редко, то, наверное, лучше было бы взять такси... Нет, доеду. А если и не доеду, может, будет только лучше...

Я люблю заходить к Нэнси в галерею. И ради самой Нэнси, и галерея мне ужасно нравится. В самом центре Бостона, в изящном колониальном особняке, несколько просторных залов, большие окна на сквер. Много света и воздуха, изящный дизайн интерьера – достаточно современный, но вместе с тем классически-уютный. Все так легко и очень-очень дорого. И картины подобраны потрясающие. В свое время я купила у Нэнси несколько, и с удовольствием купила бы еще, если бы не цены. Цены у нее соответствующие. Наверное, картины того стоят, Нэнси утверждает, что это прекрасное вложение денег, потому что все они с годами только дорожают в цене, но все же... Мне кажется, что пять, а то и все десять тысяч долларов за картину, пусть даже очень хорошую, пусть даже музейного качества – слегка многовато. Хотя, наверное, я просто не понимаю.

Я, если честно, на самом деле не очень понимаю в картинах. Для меня существует один критерий – нравится она мне или нет. То есть – хочу ли я видеть ее каждый день, просыпаясь с утра, и жить с ней в одном доме. А нужно учитывать, говорит Нэнси, еще направление и школу, технику художника и манеру письма, период и моду на тематику, а самое главное – спрос. Причем даже не тот, что есть сегодня, а тот, который может быть послезавтра. Ну, или через несколько десятков лет. Мне это кажется китайской грамотой, но она, безусловно, права. Иначе бы ее галерея так не преуспевала.

В какой-то момент я, под впечатлением от цен на картины в галерее Нэнси и в стремлении приобрести не хуже за меньшие деньги, попыталась искать и покупать картины сама. Для этого я, недолго думая, залезла на всемирный интернетовский аукцион е-бэй – там можно купить все, что угодно, к тому же сама Нэнси как-то обмолвилась, что иногда находит там потрясающие экземпляры. Если она находит, то и я смогу, подумала я. Тем более, у меня и запросы меньше, мне ведь не нужно учитывать дальнейший спрос.

В общем, из этого мало что вышло. За месяц, перекопав дикое количество всего ненужного и купив попутно по дешевке двадцать две серебряные ложки, я нашла на аукционе примерно с десятков картин, которые мне были симпатичны. Треть из них стоила ничуть не меньше, чем у Нэнси, и я их немедленно отвергла. Четыре из оставшихся у меня перебили в результате ожесточенных торгов, причем три – один и тот же персонаж.

Трансвестит – я выяснила это, разозлившись и поглядев в расстройстве его личные данные: кто он такой и что вообще покупает и продает. Кроме картин этот тип продавал и обменивал книги и альбомы соответствующей тематики. «Третий пол – история транссексуалов», «Не в своем теле – операции по перемене пола с фотографиями до и после», «Drag Queens – искусство трансвеститов в развитии моды и поп-арта», «Сравнительные особенности психологии гермафродитов и транссесуалов» – одни названия чего стоили. Просто удивительно, сколько может сказать о человеке список его покупок.

А возвращаясь к картинам – те три, которые я все-таки купила и за пересылку которых заплатила в конечном итоге едва ли не вдвое от стоимости собственно картин, в реальности оказались далеко не так хороши. Ведь фотографию для аукциона можно высветлить фотошопом. А потом получишь ночь в Крыму и жалуйся на монитор. Профессиональная чистка дорога, да и заметно снижает ценность картин. То есть я, конечно, все равно развесила их на стены, постаравшись выбрать незаметные места в комнатах для гостей, но в целом опыт само-

стоятельного приобретения художественных ценностей, не считая ложек, меня разочаровал. Для этого, очевидно, нужно иметь какие-то специальные таланты, которыми я, увы, не обладаю, в то время как Нэнси, напротив – весьма и весьма.

Нэнси вообще молодец. Фантастическая женщина. Я ей всегда восхищалась. Вчуже, конечно, то есть совершенно абстрактно, не завидуя и даже не примеряя ее жизнь к своей, но абсолютно искренне. Ну, как можно восхищаться, например, произведением искусства, той же античной вазой в музее. Пускай она потрясающе хороша, но ведь ее даже на секунду нельзя представить стоящей в углу собственной квартиры.

После смерти мужа – кажется, третьего, у Нэнси было несколько мужей, и каждый, как понимаю, был лучше, то есть богаче предыдущего... Так вот, овдовев в последний раз, Нэнси унаследовала не только дом и состояние, но и большую коллекцию картин. Выходить еще раз замуж ей не хотелось, а отвлечься чем-то в одиночестве было нужно – и она стала заниматься этой коллекцией. Что-то докупила, что-то продала, обменяла, увлеклась, втянулась – и в конце концов открыла свою галерею. Как я уже говорила, чутье и художественный вкус у Нэнси потрясающие, так что неудивительно, что ее предприятие процветало. Когда мы с ней познакомились, я была уверена, что она родилась в этом бизнесе, и с удивлением узнала, что ее галерею немногим меньше пяти лет. При этом сама Нэнси всегда выглядит так, что и ее можно принять невзначай за один из экспонатов. Стройная до сухости, изящная, одетая всегда в безупречно классическую Шанель. Нитка жемчуга, кольца... Словом, вам и не снилось. Я всегда, глядя на нее, изо всех сил заставляла себя помнить о том, что рот должен быть закрыт, но мне это не всегда удавалось.

Очевидно, мой искренний восторг вызывал в Нэнси какие-то ответные чувства, потому что она тоже ко мне благоволила. Мы с ней даже подружились – в американском, конечно, понимании этого слова. Помимо встреч в музее, где мы, собственно, и познакомились, мы раза три-четыре в году выбирались вместе на ланч или на послеобеденный чай где-нибудь в изящном ресторанчике, сидели, как две цыпочки, и щебетали о светских сплетнях. Ну и еще я, естественно, заходила время от времени к ней в галерею, где что-то иногда покупала. Этот факт, я полагаю, тоже в известной степени способствовал теплоте отношений.

Нэнси оказалась в своей галерее – где бы ей еще быть? – и была рада меня повидать. Она встретила меня в первом же зале, как только я вошла. Вообще-то в галерее всегда сидит какая-нибудь девочка, но к любимым клиентам Нэнси всегда выходит сама. Вот и ко мне тоже – очень мило. Мы расцеловались в воздухе и обменялись приличествующими любезностями. Нэнси, кстати, сказала мне, что я заметно похудела и чудесно выгляжу. Забавно. Вообще-то я стараюсь свой вес отслеживать, причем в другую сторону, чтобы не рос, но за последние дни мне было не до взвешиваний. Хотя, конечно, если учесть все нервы... Это способствует.

Нэнси, естественно, провела меня по всей галерее, показывая новинки. Они и в самом деле были хороши, особенно одна, небольшая картинка в таких смугло-розово-золотистых тонах. Молодая девушка сидит, облокотившись о подоконник, над ней свисает ветка березы, за окном какие-то поля, поля. И что-то во всем этом такое безмятежное, с легкой грустинкой...

– Когда я ее только увидела, Лиз, – зашебетала Нэнси, заметив мое внимание к картине, – ты не поверишь, я тут же подумала о тебе. Она даже чем-то на тебя похожа, не замечаешь? Что-то такое в глазах, в выражении лица. Это, кстати, русский художник, может быть, поэтому? И настроение здесь такое – я всегда именно так себе Россию и представляла. Деятнадцатый век, конец. Русская пастораль – сейчас исключительно входит в моду. Я даже хотела специально тебе позвонить.

Да, Нэнси умеет продавать свои картины. Хотя я в других обстоятельствах и так бы задумалась – картина действительно пришлась мне по душе. Я бы повесила ее в своей спальне,

чтобы видеть, только проснувшись... Да что уж теперь... Но надо отдать Нэнси должное – она ведь и в самом деле угадала, что мне понравится. Из вежливости я спросила о цене.

– Вообще-то она стоит пять с половиной тысяч, дорогая, это же позапрошлый век, и очень хороший художник, обрати внимание на технику, но тебе – только тебе, потому что вы с ней так похожи, и я хочу, чтобы она попала в хорошие руки, – тебе я отдам за четыре. Даже за три восемьсот, потому что еще не успела сделать новую раму.

– Спасибо, Нэнси. Она и в самом деле мне очень нравится, но...

– Подумай, милочка. Через два года она будет стоить все семь, и я сама куплю ее у тебя за пять, если...

– Я понимаю, Нэнси, но я должна подумать. Вглядеться в себя, знаешь? Ну, и посоветоваться с Ником.

– Конечно, дорогая. А еще лучше – приходите ко мне вдвоем. Я могу даже пометить на ней, что она продана.

– Пока не стоит. Знаешь, эти мужчины, пока их уговоришь выйти из дому... Я просто не хочу тебя обязывать.

Еще бы. Приди я к ней с Ником, у картины не было бы ни малейшего шанса остаться некупленной. На мужчин Нэнси действует, как отбойный молоток. Он бы и опомниться не успел, как его рука сама выписала бы Нэнси чек. Не то чтобы я была против, но... Впрочем, это сейчас неактуально.

– Нэнси, на самом деле я хотела пригласить тебя выпить со мной чаю. Или даже чего-нибудь покрепче, – тут я подмигнула ей, и мы захихикали, как старые подружки. – Ты скоро сможешь освободиться?

Мы замечательно провели вместе вечер в прелестном маленьком кафе за бутылкой итальянского вина и французскими пирожными. Нэнси доверительно сказала мне, что они такие легкие, что даже ее диетолог позволяет себе одно в неделю. В общем, за увлекательной беседой я почти забыла о своих заботах. И даже когда у меня в сумке звонил телефон (строго говоря, они звонили несколько раз оба – и мой, и Ника, по очереди), я сделала вид, что не замечаю этого.

Домой я вернулась немного после девяти вечера. Было темно, в окнах горел свет – Ник вернулся с работы неожиданно рано. С чего бы это, а?

Я не успела даже толком войти, как он выскочил из кухни мне навстречу и закричал:

– Где ты была?

Ошарашенная таким приемом, я хотела было честно ответить, что сидела с Нэнси в баре, но, к счастью, быстро опомнилась и спросила холодным тоном:

– А что, собственно, происходит?

Он, не заметив моего холода, продолжал орать.

– С утра ты не откликаешься, на звонки не отвечаешь, ушла, не предупредила, дома тебя нет, что я должен думать?!! Ты совсем сошла с ума, Лиза, так дальше продолжаться не может.

– Не может, – ответила я с достоинством. – Оно и не продолжается, как ты сумел заметить. Я живу своей жизнью.

– Где ты была? – завел он снова свою шарманку.

– А какое тебе, собственно, до этого дело? – огрызнулась я. – Я же тебя не спрашиваю, где ты был?

– Я работал, и ты это прекрасно знаешь.

– Ага. Над зайчиком своим ты работал, теперь-то знаю.

– Как тебе не стыдно?

– Мне? Это мне должно быть стыдно? По-моему, ты что-то перепутал. Из нас двоих стыдиться должна уж никак не я. На твоем месте я бы вообще на эту тему молчала.

– Так ты же это и начала.

В общем, мы опять поругались. Грубо, глупо и совершенно бессмысленно.

Кончилось это тем, что я, как вчера, выбежала из кухни, поднялась наверх, в свою вчерашнюю комнату, и снова спряталась в кровать. Плакать. Но второпях забыла запереть дверь. Через какое-то время Ник пришел ко мне, раскопал из-под одеяла, не говоря ни слова, обнял, прижал к себе...

Это был наш самый потрясающий секс если не за всю семейную жизнь, то за последние несколько лет уж точно. Мы рычали, вцепившись друг в друга, как будто бы от этого зависела наша жизнь, мы стонали и, возможно, даже плакали. Все чувства и ощущения – от любви до ненависти – были настолько яркими, бурными и острыми, что, кажется, не было никаких сил это перенести, но мы справлялись, глотали воздух и снова вцеплялись друг в друга, и это длилось и длилось, бесконечно, как в первый раз... Или в последний. Собственно, с очень даже немаленькой вероятностью это и был наш последний раз.

Мы так и заснули, не расцепляясь, на этой узкой кровати в гостевой комнате. И утром проснулись одновременно. Это было прямо как раньше, давным-давно, когда мы жили в институтской общаге и спали на узенькой койке, уместиться на которой вдвоем можно было, только крепко обнявшись. Тогда мы тоже просыпались вот так – одновременно, нос к носу, глаза в глаза. И это было здорово.

– Привет, – прошептали мы друг другу одновременно.

Может быть, если бы никто не стал больше ничего говорить, все сложилось бы по-другому. Как маятник, который можно, остановив, запустить в другую сторону, и он снова начинает отсчитывать свои секунды в заданном ритме, словно ничего не происходило. Но людям, увы, далеко до невозмутимости часовых механизмов.

– Дуреха ты, – шепотом сказал мне Ник. – Видишь же, как нам с тобой хорошо.

И даже это утверждение, несмотря на некоторые его сомнительные пункты, было еще терпимым. Если бы он этим и ограничился в смысле слов и лучше бы сделал что-нибудь руками, я бы, размягченная последними – самыми последними – событиями, тоже не стала начинать ссору. Но мужчины, очевидно, устроены так, что для них обладание – синоним полной капитуляции противника, то есть, вернее, партнера. Заткнуться в нужном месте они просто не в состоянии.

– И чего ты себе напридумывала каких-то глупостей? – продолжал мой муж.

Тут уж я не выдержала.

– Ничего себе глупости, – ответила я слегка ворчливым, но еще достаточно миролюбивым тоном. – И потом, если уж говорить о глупостях, ты первый начал. Какого черта ты завел пашни с дурацкой китайкой? Ну ладно, я еще понимаю, трахнуть ее разок – экзотика, туда-сюда, мерзко, конечно, но как-то объяснимо, но чтобы полгода? Так что не надо мне тут...

В общем, подача, конечно, была почти не берущейся, но если бы Ник все же сумел сдержаться... Не факт, что это помогло бы ему в итоге, но хоть какие-то шансы на примирение могли бы, наверное, остаться. Но он не выдержал.

– Между прочим, зря ты так про нее, – заявил он уже в полный голос. – И вовсе она не дура. У нее образование вполне приличное, и программирует она ничего себе.

– За это ты ее и полюбил, – вставила я.

– И семья у нее очень пристойная, – Ник, разогнавшись, уже не мог затормозить. – Она мне рассказывала. Мама – университетский профессор в Пекине, славист. И сама она тоже русский знает.

– Ну конечно! – взвилась я уже куда-то под потолок. – Именно этого тебе и не хватало в твоей нелегкой жизни – по-русски было не с кем поговорить! И в мотеле вы с ней, обнявшись, наверное, все время напролет исполняли хором «Подмосковные вечера»! Или что там – «Русский с китайцем братья навек»? «Сталин и Мао слушают нас»? Хинди, руси, бхай-бхай!

Ну и после этого, конечно, все началось снова. С выдумкой и энтузиазмом мы проорали друг на друга еще с полчаса, после чего Ник хлопнул дверью и убежал на работу, даже не побрившись.

После его ухода я еще немного повалялась, даже, похоже, слегка задремала. Во всяком случае, голова снова стала вялой и сонной, как бывает, когда не проснешься толком, а спать как следует не выходит. Мысли путались, но разбираться в них и что-то соображать не хотелось. Впрочем, возможно, это была такая защитная реакция организма – завернуть мозги в вату. Поднявшись и даже не одеваясь, я зачем-то отправилась бродить по всему дому босиком. Проходила по комнатам, гладила рукой стены, ловила ненужные мысли. Удивительно, как за такое короткое время дом успел не то чтобы совсем запаршиветь, но как-то... Как будто скиснуть, что ли. То ли дело было в пыли, которая успела осесть там и тут на мебель, то ли в общей неубранности, то ли... То ли из дома просто ушла любовь. Ведь для того, чтобы дом был живым, надо, чтобы живущие в нем люди любили. И дом, и друг друга. Хотя не знаю. Я ведь люблю своего мужа, да и он, наверное, меня по-своему тоже. Ведь двадцатилетняя связь не может исчезнуть в несколько дней. Или может?

Внезапно я ощутила резкий приступ нахлынувшей тошноты. В глазах потемнело, голова закружилась, и я еле успела добежать до ближайшего туалета, где меня жестоко вырвало несколько раз. Хорошенькое дело – не хватало мне только желудочный грипп подхватить.

Вообще-то у меня, что называется, «железный» желудок, и последний раз меня рвало тысячу лет назад, во время беременности... Так... А если? Но нет, это абсолютно исключено. Очевидно, таким буквальным образом у меня происходит расставание с прежней прекрасной жизнью. Ну что ж, очень характерно – полный отрыв от реальности...

Спустившись наконец в кухню, я, пошатываясь, налила себе сока, включила чайник. Ну, если ближе к делу... Какие у меня сегодня дела? Встреча с Марсией и... И, кажется, все. Надо же. А что я буду делать весь оставшийся день? А что я делала раньше, до всего этого, меньше недели назад? Ведь тогда, я помню, у меня минуты свободной не было, по крайней мере, вопросов, чем занять день, не возникало никогда.

А действительно, чем я таким занималась? Нет, когда Женька жил дома и ходил в школу, все было ясно. Проводить, покормить, приготовить ланч с собой, отвезти в школу, купить продуктов, встретить, отвезти на один кружок, на другой, в бассейн, к приятелю... В промежутке приготовить ужин, встретить Ника с работы, обсудить, посмотреть новости... Это ладно. Когда Женька уехал в университет, стало свободнее, но все равно. Сделать очередной ремонт, сменить трубы, вызвать садовника, заполнить налоговую декларацию, купить еды, поехать навещать родителей... Кстати, я опять забыла позвонить маме. Это большая ошибка, у моей мамы чутье, как у легавой собаки, она моментально догадается, что со мной происходит... Правда, если я позвоню ей в таком состоянии, она догадается еще быстрее. Пожалуй, с этим я подожду.

Ну да, после Женькиного отъезда у меня появилось, конечно, какое-то время на себя, но чтобы оно было лишним... Я стала успевать что-то читать, выбираться в кино, даже ездить в Нью-Йорк, в театр. Записалась в тренажерный зал. Правда, ходить туда часто у меня все равно не получалось, но это уже от внутренней лени. Я не люблю эти истовые прыжки на тренажерах, липкие потные тела, идиотские мышцы. Мне жалко тратить на это жизнь. Говорят, конечно, что спорт ее удлинит, но, если вдуматься как следует, он удлинит ее как раз на то время, которое мы тратим на занятия этим самым спортом. Лучше я спокойно проживу это время сама, пусть даже со своими лишними килограммами. Кстати, я не считаю лишней ни одну часть своего тела. Оно мне нравится, и я его люблю. Потому что тот, чье мнение мне важно, тоже его любит. Любил.

Не буду сейчас об этом думать, а то опять начнется. Буду думать о другом. Чем же я там еще занималась? Ах да, как же я позабыла. В последние годы я освоила интернет, и это ока-

залось вполне себе времяпожирающим занятием. Нет, я, конечно, и раньше умела им пользоваться, но исключительно в утилитарных целях – оплатить счет и заказать гостиницу, а тут я научилась с помощью него развлекаться. Взять хотя бы тот же е-бэй. Кстати, надо бы пойти и проверить почту. Что-то было такое важное, что я...

Я не спеша поднялась к себе в кабинет, включила компьютер, открыла почтовый ящик. На меня высыпалось с десятков новых сообщений, половина из которых оказалась, естественно, рекламным спамом. Я стала вытирать его, и тут...

«Мы рады сообщить вам, что сообщенные вами сведения были признаны удовлетворительными, в связи с чем наш банк счел возможным открыть для вас кредитную линию на запрошенных вами условиях...» Что за черт? Какую кредитную линию? Ну-ка, ну-ка... Трам-пам-пам... Выделены в счет указанной недвижимости... По оценкам наших экспертов... за будущим вычетом процентов... при условиях... сумма к выплате... Два миллиона долларов США!

В голове немедленно прояснилось. Расплавленные мозги щелчком вернулись на место. Это же мой кредит! Который я вчера запросила, кажется, в полной невменялке. Они его утвердили! Под стоимость дома! И открыли кредитную линию. Или все-таки еще нет?

Я лихорадочно перечитала сообщение еще раз. Нет, пока все-таки не до конца открыли, ждут моего последнего подтверждения с номером счета. Но все уже согласовано. Мамочка! Что я наделала! Что мне теперь делать? Ник меня убьет. Это же кошмар, это не шутки, это... Это очень серьезно и почти необратимо, и...

Я вскочила из-за стола и постаралась успокоиться. Не убьет. В конце концов, он сам первый начал, так ему и надо. Побегав по комнате, я снова села и перечитала еще раз. Нет, все точно. Я подняла свою вчерашнюю переписку. Это надо же! Все заполнила и не ошиблась ни разу. Даже банк счел меня благонадежной личностью, достойной выдачи кредита. Между прочим, не хухры-мухры. Два миллиона долларов.

Вот только теперь надо понять, что с ними делать. Прежде всего – брать или не брать. Но вообще-то, как говорится, «the harm was done», дело сделано, вред совершен, и хуже уже не будет. Что толку, если я их не возьму и мои два миллиона зависнут неизвестно где? Может, это все была и глупость, но так Ник... В отличие от него я, по крайней мере, никого не предаю. Я ему сказала, что дом надо продать, но он сам отказался. И его подпись стоит на этом кредите раньше моей. И уж всяко то, что я делаю, не хуже того, что сделал он. Я ведь не таскалась по мотелям с гадкими зайчиками. И не говорила ему в лицо, что мне нужен другой человек. А дом, в конце концов, и мой тоже.

С отчаянной мгновенной решимостью я проверила цифры номера счета и кликнула на строчку «Подтвердить». Все. Рубикон перейден.

А теперь надо быстро-быстро решить, что мне делать. Остаться здесь больше нельзя, это ясно. Но вот куда мне деваться? Уехать? В гостиницу, в другой город, в другую страну? А как же тогда развод? Хотя что я, дурочка, мечусь, у меня же сейчас встреча с моим адвокатом, у нее и спрошу. Как же хорошо, что у меня есть Марсия. Надо скорее ехать к ней.

С несколько даже панической скоростью я собралась, похватила бумажки и выкатилась из дому, как будто за мной гнались. За рулем, правда, мне удалось слегка успокоиться, так что в офис Марсии я вошла уже почти человеком, а не испуганным кроликом. Тьфу. Вообще никаким не кроликом, не желаю иметь ничего общего с отрядом зайцеобразных.

Я приехала немного раньше назначенного времени, но Марсия приняла меня сразу. Усадив меня в удобное кресло, она, не спрашивая, велела секретарше принести мне чай, а сама села напротив и протянула мне стопку бумаг.

– Вот, Лиз, прочтите все внимательно. Это черновой проект вашего соглашения о Legal separation. Естественно, мы сейчас вместе впишем везде нужные данные, но, если у вас есть еще какие-то вопросы и дополнения, мы должны обсудить их сейчас.

Я начала читать, но текст был изощренно сложным, как и все юридические тексты, а у меня из головы почему-то начали выпадать английские слова, и я не могла связать в уме даже двух строчек. Перевернув страницу и убедившись, что там все ничуть не легче, я отложила бумаги в сторону и виновато поглядела на Марсию.

– Марсия, я... Я прошу меня извинить, я только ваше время зря трачу, но... Я не понимаю ни слова, я слишком волнуюсь и, наверное, вообще никуда не гожусь.

Марсия восприняла мои слова так, как будто ничего другого и не ожидала от меня услышать. Она кивнула, взяла с подноса как раз вошедшей секретарши чашку с чаем, не спрашивая, высыпала туда пару пакетиков сахара, размешала и протянула мне.

– Все в порядке, Лиз. Выпейте это, вам станет легче. И расскажите, что именно вас волнует. Я думаю, мы сумеем все решить.

Отхлебнув чай, который и впрямь обладал успокоительным действием, я рассказала Марсии о том, что Ник отказался обсуждать продажу дома и что я, не поставив его в известность, получила под дом кредит.

– Но в этом нет ничего страшного, – кивнула Марсия. – Кредитная линия под стоимость чистого от залогов дома – это ваше право. Кроме того, вы не сделали ничего, что бы могло повлечь возражения со стороны закона. Ведь на заявлении с просьбой о кредите стоит подпись вашего мужа. Значит, все в порядке. А в ситуации, когда другая сторона отказывается разделить собственность путем продажи, я бы сказала, что это вообще единственный возможный путь. Более того, это единственный способ вынудить противную сторону к продаже. Вы понимаете, что, когда вы будете пользоваться деньгами с кредита, все процентные выплаты будут приходить на адрес заложенного дома? И, поскольку дом общий, оплачивать их придется вашему мужу? И это, в принципе, должно очень быстро изменить его точку зрения на продажу.

– Да, это я понимаю. Наверное, если бы это было не так, мне не удалось бы получить кредит так быстро. Но меня волнует, как бы сказать... человеческая сторона вопроса. Мой муж не знает о кредите, а дом ведь совместная собственность, а я ему даже не сказала ничего. Мне все время кажется, что я его обманула.

– Нисколько. Ведь это он сам заполнил заявление о кредите. Вы только не дали ему обмануть себя. Строго говоря, вы вообще почти ничего пока не сделали. И потом – проценты по кредиту начинают считаться с того момента, когда деньги оттуда потрачены, а пока их не трогают, и выплат-то никаких нет. Раз банк предложил открыть вам кредитную линию, значит, с вашей стороны все абсолютно чисто, иначе бы вам отказали. Банк ведь все проверяет, ему не нужны неприятности.

– Банк открыл мне кредит на два миллиона, это больше, чем половина цены, которую мне назвал риэлтер.

– Это несущественно. У банка свои оценщики. Значит, они просто оценивают ваш дом дороже, чем риэлтер. Это вполне понятно, банк ведь на самом деле хочет дать вам кредит, и ему выгодно, чтобы ваша залоговая собственность была дороже. Но вам это тоже выгодно, вы понимаете, Лиз? В той ситуации, которая сложилась на данный момент, это просто ваша страховка, запас, накопления на черный день, понимаете? Ну, и немножко способ давления. Вот у вас в руках бумаги, там это изложено черным по белому. Половина стоимости дома. Накопления. Алименты. Все в рамках закона, и уверяю вас, Лиз, что вы еще обходитесь с ним исключительно мягко, если учитывать, что именно вы являетесь пострадавшей стороной. Если бы у вас, скажем, были маленькие дети, то вы бы легко могли получить весь дом. Я бы и сейчас за него поборолась, но, если вы считаете свою часть достаточной... Кроме того, вы не обязаны сами добиваться, чтобы ваш муж одобрил это соглашение. Оно будет отослано ему с уведомлением о вручении, и как только он распишется в получении, автоматически пойдет исчисляться срок, в течение которого он имеет право что-то оспорить. Тогда он или начнет

встречный процесс, и мы будем это обсуждать с его адвокатом, или же согласится на ваши условия, и тогда вы...

Я перебила ее.

– Но, Марсия, вы же сами сказали, что дети не имеют отношения... А почему тогда алименты?

– Вы не работаете и не работали. Вы женаты более десяти лет. По законам нашего штата и по федеральным законам тоже, он обязан, расставаясь с вами, обеспечить вам тот же уровень жизни, который вы вели в браке последние пять лет. Кстати, какую цифру мы с вами поставим в этом месте? Десять тысяч в месяц?

В испуге я замахала руками.

– Что вы, что вы. Это почти весь наш месячный доход. Нет, мне столько не нужно, тем более, еще этот дом... Я думаю, тысячи три...

– Вы абсолютно неправы, Лиз. Он же наверняка будет оспаривать алименты. Я почти не встречала случаев, чтобы этого не происходило. Просите больше, получите столько, сколько нужно. Ну, пишем десять.

– Нет, это все равно слишком. Давайте напишем шесть. На самом деле, Марсия, мне ведь столько не нужно, я одна... Если мальчик будет обеспечен... Там ведь есть пункт об оплате его обучения?

– Это в любом случае оговаривается отдельно, – кивнула Марсия.

– Ну вот. Это самое главное. А я проживу. Я бы могла и сама...

– Я поняла. Предоставьте это мне. Что-нибудь еще?

– Да нет... Впрочем, может быть, еще акции?

Марсия сделала стойку.

– Какие акции?

– Ну, мой пакет акций в фирме мужа. Двадцать процентов. Они записаны на меня давным-давно, я их и не касаюсь, муж все делает сам, а я просто каждый год оформляю на него доверенность на управление.

– Так. Это очень интересно. Лиз, вы не помните, когда истекает срок последней доверенности?

– Точно не помню, но я могу дома посмотреть. Месяца два, три...

– А сколько партнеров в фирме вашего мужа? И как распределены остальные акции?

– Два. Ну, если без меня. Он и его компаньон. И все остальное поровну, по сорок процентов каждому.

– В таком случае, Лиз, вы должны понимать, что ваши двадцать процентов являются определяющими в смысле составления контрольного пакета акций. То есть пока ваш муж распоряжается вашим пакетом, именно он, грубо говоря, принимает все решения относительно политики фирмы.

– Конечно, Марсия, я это понимаю. Собственно, именно поэтому муж и выторговал для меня эти двадцать процентов в самом начале. Я только не вижу, что конкретно для меня за этим стоит.

– За этим стоят ваши деньги, Лиз. Ну, или, по крайней мере, дополнительный, но очень сильный способ воздействия на вашего мужа в смысле принятия им решений относительно условий вашего разделения. Имейте это в виду. Вообще, Лиз, чем больше я углубляюсь в ваше дело, тем больше оно мне нравится. Просто образцово-показательный процесс, одно удовольствие работать. Итак, продолжим...

Через два часа я вышла из адвокатской конторы в гораздо более бодром состоянии духа. Я полноправный американский гражданин, и мои права должны соблюдаться в любом случае, пока я сама не попираю чужих прав и не нарушаю законов. Что же касается мужа, то мои действия не приносят ему никакого ущерба, во всяком случае морального, так как это он первый

нарушил супружеские соглашения и должен понести штрафные финансовые санкции, предусмотренные...

В общем, все это было, конечно, правильно, хотя мне и казалось, что как-то слегка не про нас. Это же мы, я и Ник, живые обычные люди, а не ходячие циркуляры американского кодекса. Впрочем, осознание того, что ты находишься под защитой закона, в значительной мере укрепляет моральный дух.

Времени было три часа. Домой идти не хотелось. Я зашла в ближайшее кафе и заказала дежурный ланч. Мне принесли какую-то еду на тарелке, я съела немного, совершенно не чувствуя вкуса, расплатилась и вышла. Села в машину и медленно поехала, сама не очень зная куда.

Я не помню, как именно и куда я ехала, помню только, что на одном из мостов – в Бостоне много мостов, высоких дорожных развязок, парящих одна над другой и заворачивающихся в огромные воздушные белые дуги, – я, разогнавшись, вдруг почувствовала, что лечу, что ухожу куда-то в высоту по гибкой параболе, и что стоит мне вот сейчас только закрыть глаза, отпустить чуть-чуть руль, немного сильнее нажать ногой на газ, и я воспарю, уйду прямо в это открытое небо, и мне будет там так легко и хорошо...

Я затрясла головой, крепче сжала руль и сняла ногу с педали газа. Нет уж. Не дожидетесь!

Что-то, наверное, все же вело меня куда надо, потому что спустя полчаса я с легким удивлением обнаружила, что еду по хайвею, ведущему в Рокпорт. Это небольшой городишко на самом берегу океана, очень красивый, его обожают туристы, его улицы сплошь застроены художественными галереями, а в его маленьких ресторанчиках готовят самых вкусных на свете лобстеров, потому что их только что выловили из воды. Мы с Ником тоже иногда выбирались туда на выходных, гуляли по скользким камням и купали у рыбаков свежую рыбу.

Ехать до Рокпорта чуть больше часа. Бросив машину на стоянке в центре города, я прошла мимо всех галерей и туристов окольными дорожками к океану, пробралась к самому берегу между оградами частных владений, села на скользкий здоровый камень, стала смотреть на белые хвостатые волны и стараться ни о чем не думать.

В общем, у меня получилось. Когда вокруг начало слегка смеркаться, а океан посерел, я поднялась, отряхнула слегка подмокшую юбку, обнаружила, что жутко заоченела, и бодрой рысью потрусила к машине.

Ник снова вернулся раньше меня. Он сидел в кухне, опершись руками о стол, на котором стояла яркая коробка с взятой на вынос едой из китайского ресторана, которому мы оба симпатизировали. Сегодня он не спрашивал, где я была, и вообще не кричал, а молча поднялся, кивнул мне, указывая на стол, и пошел доставать тарелки. Я тоже кивнула и села, ничего не говоря в ответ. Из коробки пахло китайскими сладковато-кислыми резкими специями, и я вдруг поняла, что страшно голодна.

Мы так и ели в молчании, быстро и даже, пожалуй, жадно. Возможно, мы просто оба были действительно голодны – я, во всяком случае, точно, а возможно, набитый рот был просто удобным предлогом, чтобы не начинать никаких бесед. Что для меня, опять же, являлось правдой.

Но еда кончилась, и все предлоги для молчания тоже. Я поднялась из-за стола, вышла в прихожую, где бросила, войдя, свою сумку, вынула из нее папку с бумагами и вернулась к столу.

Несмотря на все уговоры Марсии отправить Нику документы для Legal separation официальной почтой, я все же решила сперва сделать это самостоятельно. По крайней мере попытаться.

Все так же молча я протянула ему эту папку со штампами юридической конторы. Он взял ее у меня, автоматически открыл и произнес первые за весь вечер слова.

– Что это?

– Это документы, о которых я говорила. Я подала на Legal separation. Посмотри.

Он захлопнул папку и бросил ее на стол.

– Я тебе уже говорил, что ты спятила. Я не буду ничего смотреть и ничего подписывать.

Я ни с кем не развожусь.

Я снова села за стол напротив него, поглядела внимательно ему в глаза.

– Ты – там – все закончил?

Ник не понял.

– Закончил – что?

– Свои отношения с этой... как ее... китайской прос... практиканткой? – пояснила я.

– Нет. Я тебе уже говорил, мне нужно время.

– А я тоже тебе говорила, что так я жить с тобой не буду, мне противно. Собственно, даже если бы ты все закончил, я не уверена, что смогла бы оставить все, как было, а уж так нам с тобой вообще нечего обсуждать. Если ты еще не понял – это не ты, это я с тобой развожусь. Вернее, легально разделяюсь. Вот документы. Хочешь – смотри, не хочешь – мой юрист вручит их тебе официально чуть позже. Меня это больше не касается. Я устала.

Я начала подниматься из-за стола, когда Ник, преодолевая видимое отвращение, снова взял папку, раскрыл ее и начал читать. Я снова опустилась на стул – чтобы не бегать туда-сюда двадцать раз, когда у него возникнут вопросы или возражения.

И они возникли, будьте спокойны.

– Алименты? – возопил он, перевернув очередную страницу. – Какие еще, к черту, алименты?! У нас и детей-то нет!

– У нас с тобой сын, – вежливо напомнила я.

– Это я знаю, – нелогично огрызнулся он. – Про оплату университета я уже прочитал, с этим я и не спорю. Я имел в виду – маленьких детей нет. Какие могут быть алименты?

– Ты невнимательно читаешь. По закону, принятому в штате Массачусетс, в случае, если один из супругов не работает и не работал на протяжении более чем десяти лет пребывания в браке, второй, работающий, супруг обязан при расторжении брака обеспечить ему уровень жизни, адекватный тому, который первый супруг вел в течение жизни совместной. Там же все это изложено. Очень правильный закон.

Ник снова уткнулся в бумаги.

– Шесть тысяч в месяц? Нет, ну ладно, я еще понимаю, что в принципе это может иметь какой-то смысл, но чтобы столько? Нет, ты определенно спятила! Совсем совести нет! Я не согласен!

А я еще за него заступалась. Права Марсия, надо было все десять просить. И это он еще про дом не прочитал.

– Не согласен – оспаривай. Имеешь право. Хотя это меньше, чем половина твоего среднего заработка.

– Моего! Моего – заметь – заработка. Я на этой фирме сутками гроблюсь, а ты, между прочим, все это время на моей шее сидишь и палец о палец не ударила!

Вот, значит, как оно бывает. Я, конечно, слышала о случаях попрекания куском хлеба, но представить себе, чтобы вот так... Чтобы меня... Чтобы Ник...

Но, с другой стороны, я, хотя и была, безусловно, неприятно удивлена и обижена, но, как ни странно, далеко не так сильно, как могла бы, если бы... В общем, скажи Ник мне что-нибудь подобное, скажем, неделю назад – я бы его убила. Или, как вариант, умерла бы сама. Просто тут же, на месте. А сейчас... Даже странно. Нет, в первый момент вдохнула, конечно, глубоко, но уже во второй – выдохнула, собралась и была готова к отражению атаки.

– Ну, насчет суток напролет ты явно преувеличиваешь, времени заводить романы и шляться по мотелям тебе все-таки хватает. И силы, что очевидно, еще на многое остаются, не

прибедняйся. Да и насчет меня ты, по-моему, слегка зарываешься. Тебе самому-то не стыдно, Ник?

– А тебе? Устроила тут, понимаешь, энтерпрайз! Адвокат, договор! Бегаешь, сама не знаешь, чем заняться. Я это не подпишу и делать ничего не буду, так и знай.

– Сколько влезет. И без тебя все сделают, я тебе уже говорила.

– И денег я тебе не дам ни копейки! Плати своему адвокату, чем хочешь.

Ладно, Ники. Сам наварлся. Я хотела по-хорошему.

– Очень хорошо, – насколько могла ласково сказала я. – Не давай. Не плати мне алиментов, попрекай меня деньгами, трать отнятое у меня на зайчиков, закладывай мой дом, сколько тебе угодно, замечательно. Кстати, обрати внимание – дом я теперь заложила сама, и кредитная линия будет оформлена на мое имя.

– Что-о? – взревел Ник. – Дом? Да как ты посмела?

– Это не я посмела, Ники. Ты вспомни получше. Я только подтвердила свое согласие на твоем заявлении.

– Это... Да это... Это тут вообще ни при чем! – захлебнулся он.

– Да? Очень странно. А я-то думала... Нахожу, понимаешь, твои телефонные разговоры неизвестно с кем, и тут же залоговое письмо лежит... А оно, оказывается, и ни при чем совсем...

– Ни при чем! – Ник, кажется, обрел возможность разговаривать. – Это у меня на фирме... Для дела... Надо было быстро перехватить денег, там по контракту дыру заткнуть...

– Так что же ты мне не сказал? Про дыру?

– Чтобы ты крик подняла? А то я не знаю, как ты над этим домом тряслась. Все равно бы ты не согласилась.

– И поэтому ты заложил его втихаря. Сюрприз такой, да?

– Я ничего не закладывал! Они же мне отказали! А потом я перекрутился и думать про это письмо забыл, замотался, а ты, за моей спиной...

Интересно, врет он или нет? Может ли быть, что нет? Что действительно надо было для дела, что замотался... Хотя – какая разница? Закладывать мой – наш – дом за моей спиной все равно мерзко, и одного этого достаточно, а уж в сочетании с зайчиком... Не верю! Не могу, не буду больше верить. Единожды совравший... И не единожды. Как я могу теперь верить хоть чему-то, что ты мне говоришь?

– Ну извини. За спиной. Это потому, что твой перед был так прочно занят разными зайчиками, мне было не подступиться.

– Это твои проблемы. Ни копейки ты от меня не получишь!

Ну конечно. Мой дом, моя жизнь – и твои драгоценные деньги. Фиг тебе.

– Да не надо мне твоих копеек, успокойся, Ники. Только напомни мне, пожалуйста, сколько процентов акций компании записано на меня? Двадцать, правильно?

– Ну... да, – согласился он. – Дурак я был, что на тебя их оформил.

– Когда ты это делал, ты рассуждал слегка по-другому, – улыбнулась я. – Ты хотел, чтобы твой пакет был больше, чем у твоего компаньона. А так как я участвовала, можно сказать, в процессе зарождения фирмы буквально и непосредственно, в виде супов и жареной картошки, да и не только, и все это сознавали, тебе удалось его уговорить принять меня в учредители. Но это неважно, Ники. Акции записаны на меня, и у меня, тем самым, есть право голоса в совете директоров?

Это, в общем, был даже не вопрос, и Ник только мрачно кивнул.

– И я каждый год выписываю тебе доверенность на управление от моего имени, – продолжала я. – Срок последней доверенности истекает в сентябре, Ники, я проверила. Сейчас у нас май. Ты можешь не давать мне ни цента, Ники, но будь уверен – следующую доверенность я не подпишу. И делай тогда, что хочешь.

– Дура! – закричал он. – Что тебе толку с этих акций, ты не сможешь их продать, ты же все равно ни черта не понимаешь в этих делах. Ну даже если ты явишься на совет директоров, что ты будешь там делать-то?

– А это уже неважно, Ники. Я ничего делать не буду, но и ты без моей подписи много не сделаешь. Вы без моего согласия ни одного решения провести не сможете, ни одного финансового мероприятия повернуть. Фирму можно будет продавать, а вернее, объявлять банкротом, только я и на это могу не согласиться. Кроме того, я же могу еще проще. Просто выдам такую же доверенность, но не тебе, а твоему партнеру, вот и все дела.

– Ты совсем спятила! Он же идиот! Вы все дело угробите! Я и кредит на дом запросил, потому что этот козел не мог понять... И ты еще туда же!

– Очень может быть, Ники. Все кругом идиоты, один ты умнее всех. Вот ты, раз такой умный, и подумай про мои алименты, Ники, и хорошо подумай. Время у тебя пока есть. Мой адвокат с тобой свяжется.

С этими словами я встала, ушла в свою комнату и заперла за собой дверь. Впрочем, я не ожидала, что после этого нашего разговора Ник будет делать попытки ко мне прийти. Разве только чтобы придушить меня во сне. В шутку подумав об этом, я вдруг испугалась всерьез. Фирма для Ника всегда значила очень много, а еще и дом, и счета... Это он подзабыл про них в горячке ругани, но скоро вспомнит, Ник далеко не дурак, а уж когда речь заходит о деньгах... До удушения, конечно, вряд ли дойдет, но дело явно вышло из разряда шуток и развлечений. На всякий случай я еще раз проверила дверь. Заперто. Тогда я заперла еще и ставни на окне, вздохнула и стала ложиться спать.

Измотанная всеми предыдущими переживаниями и полубессонными ночами, я заснула неожиданно быстро и крепко, как выключилась. Собственно, наверное, так и было – организм просто дошел до предела физических возможностей, послал на фиг мозги с сознанием и потушил свет. Проснувшись я от стука в дверь и голоса Ника, кричавшего за дверью:

– Открой! Лиза! Открывай немедленно, иначе я взломаю дверь! Вызову полицию! Сейчас же открой!

Голос у него при этом был не взволнованный, а очевидным образом злой, то есть он явно не беспокоился о моем состоянии, а чего-то от меня хотел, причем немедленно.

В комнате было темно, и я не сразу вспомнила, что закрыла вечером ставни. До того как сообразила взглянуть на часы, я была уверена, что все происходит глубокой ночью. Представляете, вы просыпаетесь среди ночи от того, что к вам в комнату ломится с криками практически бывший муж, с которым у вас был накануне тяжелый разговор с финансовыми последствиями? Ну, и что с вами будет? Правильно, то же самое почувствовала и я. Я дико испугалась. До дрожи. До потери способности не только что-то делать, но даже соображать. Собственно, я и на часы-то посмотрела только после того, как Ник перестал орать и биться за дверью, затих и – я сильно на это надеялась – ушел. Все-таки ему хватило ума не ломать дверь и не врываться ко мне. Потому что это – уже совсем другая статья, в максимально буквальном смысле этого слова. Да и двери, к счастью, у нас такие, что их так просто не высадишь.

В общем, я довольно долго приходила в себя. В конце концов, конечно, справилась кое-как, но все равно было неприятно. Главный вывод, который я, успокоившись, сумела для себя сделать, – надо уходить. Совсем. То есть не уходить, конечно, а уезжать из этого дома, всерьез и надолго, но при этом очень-очень быстро, прямо сегодня же, не дожидаясь возвращения Ника. При условии, конечно, что он вообще ушел, а не подстерегает меня где-нибудь внизу, вооружившись кочергой или каминными щипцами. При этой мысли, которая, при всей ее глупости, показалась мне в тот момент вполне реалистичной, меня снова затрясло.

Я встала и оделась, но из комнаты решила пока не выходить – на всякий случай. Думать я могу и здесь, а чаю мне что-то не хочется. Сейчас главное – понять, куда я могу уехать. Вариантов, собственно, было не так уж и много. Стоящих, строго говоря, ни одного.

Близиких друзей, таких, к которым можно вот так, ни с того ни с сего уйдя из дому, свалиться на голову с чемоданом в зубах, у меня нет.

Вариант уехать к родителям во Флориду вообще не рассматривается. Во-первых, они пожилые люди, и их нельзя пугать, а во-вторых, родители Ника живут там же, через квартал, и это совершенно не то, чего хотелось бы измученной душе. Не говоря уже о том, что и моя собственная мамочка в этой ситуации, мягко говоря... В общем, я и при более благоприятном раскладе с трудом у них в гостях неделю выдерживаю.

Гостиница. Можно, конечно, и я, скорее всего, так и сделаю, но только... Как-то это уж очень неопределенно. Сколько я там проживу? Если долго, то это чертовски дорого, проще уж тогда снять квартиру или даже что-нибудь купить, но тогда непонятно – где? Тут же, в Бостоне, наверное, не подойдет – ради этого можно было бы и не дергаться, а больше я ничего не знаю. То есть, конечно, где-то я бывала и что-то видела, но вот так, чтобы жить... Короче, никакой ясности нет, кроме одной – из дому нужно сваливать.

Я внезапно ощутила себя голым человеком на голой земле и, чтобы успокоиться, попыталась найти в этой позиции свои преимущества. Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног. Возьму чемодан, сяду в машину и поеду, куда глаза глядят. Где захочу – там и переночую. Стану вольной птицей, начну радоваться настоящему, жить сегодняшним одним днем, будет день, будет пища и так далее. Почему-то, однако, эта перспектива меня не вдохновила. Наверное, старая стала, обуржуазилась, не могу быть перекати-полем. Хочется, знаете ли, какого-то уюта, определенности, привязанности к корням... Я и так уже однажды в жизни все бросала.

Стоп! К корням! А если вдуматься, то корни-то мои где? Они ведь в Москве, откуда, собственно, я и уехала однажды, все бросив. И, между прочим, прекрасную двухкомнатную квартиру в кирпичном доме, на Ленинградском шоссе, прямо около метро «Аэропорт», предмет моей тогдашней гордости и повод для неоднократно пролитых горьких слез уже тут, в Америке, в нашем первом полуподвале. Потом-то, конечно, это все как-то подзабылось, отошло...

Но ведь квартирка-то осталась! Ни я, ни родители так и не стали ее продавать, и рука как-то не поднялась, и хотелось оставить за собой что-нибудь такое, основательное, на черный день. Мама, уезжая, оформила доверенность на имя своего племянника, моего двоюродного брата, который и по сей день жил в Москве со всем своим семейством. Я сама время от времени отправляла им туда с оказией какие-то подарочки, поддерживая родственную связь. Квартиру же, насколько я знаю, он сдавал, обеспечивая своей семье прожиточный минимум, но главное – она цела! И она моя. Или, если уж быть совсем точной, то мамина, потому что записана квартира всегда была на ее имя, но все равно в глобальной перспективе моя. И это значит – у меня есть, куда преклонить колено, то есть главу, то есть все равно что. И, между прочим, не такая уж плохая идея – прокатиться в Москву. Я там сто лет не была, вернее, целых пятнадцать, это даже просто интересно, и Ник останется в другом полушарии, и я развеюсь, и время пройдет, и что-нибудь образуеться. И потом, это просто классика, буду, как та сестра – в Москву, в Москву. Нет, очень правильно я все сообразила. Теперь только надо выяснить все подробности.

В радостном оживлении я побежала в кабинет, к телефону, даже забыв про возможную опасность в лице Ника с кочергой. Впрочем, его нигде и не оказалось. Я схватила телефон и стала набирать длинный международный номер. И только набрав половину, вспомнила про разницу во времени. Сколько у них там, в Москве? А то перебуду всех среди ночи. Впрочем, нет. Там еще только вечер. Очень удачно.

– Алло. Миша? Привет! Узнаешь меня? Это Лиза, из Америки. Ну да, ну да! Сколько лет... Как у вас там дела? Как ваши? У нас нормально. Да, и мама хорошо. Тепло, да, у них там всегда тепло. А как у вас? Уже картошку на даче сажали? Здорово! Мишенька, а я ведь на самом деле по делу. Да. Я тут собралась в Москву выбраться. Надолго? Еще не знаю пока точно, не решили, может быть, на месяцок примерно, как получится. Когда? Да скоро, может быть,

дней через несколько. Конечно, а я-то как рада, я же сколько лет не была, все уж и позабыла. Мишенька, у меня вот какой вопрос – что там с моей квартирой? Ну, в смысле с маминкой, на Ленинградке? Сдаете? Нет, это понятно, я знаю, что сдаете, а можно ли как-нибудь сделать, чтобы и мне в ней пожить? Я понимаю, что можно у вас, но если я задержусь, мне бы не хотелось вас стеснять. Я понимаю, и все-таки? Жильцов же можно попросить уехать, нет, я понимаю – не сразу, но сколько на это нужно времени? Две недели? Очень хорошо, Мишенька, ты им уже сейчас скажи, предупреди, а там я как раз и приеду. Миш, ну я же не маленькая, я понимаю, что это деньги, мы как-нибудь решим уж этот вопрос. Я очень тебя прошу. Конечно, мама в курсе, ты хочешь, чтобы она тебе позвонила? Ладно, я передам. Но вообще, Миш, я не вижу в моей просьбе ничего уж такого. Естественно, что я хочу жить в своей квартире, а как же? Ладно, договорились. Спасибо, Мишенька. Конечно, обязательно позвоню, когда уже буду точно знать. Спасибо. Привет девочкам, пока-пока.

Ф-фух. С родственниками разговаривать, это я не знаю, чего надо... А если с ними еще и жить придется... Понятно, что он не хочет жильцов выселять, это же деньги, но, с другой стороны, квартира-то моя. Они и так с нее сколько лет живут, им никто и слова не сказал. Да. Но маме, между прочим, звонить придется. Причем немедленно – с Мишки станется от жадности пожаловаться, и тут уж я кровь из носу должна успеть раньше. Впрочем, чему быть, тому не миновать. Застать бы ее только дома, а то как убежит в бассейн с самого утра...

– Алло? Мама? Привет, привет, как у вас дела? Ага, и у нас тоже. Почему не звонила? Извини, мам, я забегалась тут как-то последние дни, и потом – я звонила, тебя просто никогда дома не застать. И на мобильник звонила, ты его просто не слышишь. Ну, не знаю. И потом – вот же я тебе звоню, а ты со мной не разговариваешь, а только все про мобильник какой-то... Да, нормально, я же тебе сказала. И у меня нормально. И у Женьки. Недавно разговаривала, да. Нет, тоже нормально. Какой у меня голос? Обычный, как всегда. Не знаю, мам, погоди, у меня к тебе было дело. Мам, я тут собралась съездить в Москву. Взяла и собралась, а что такого-то? Я там сто лет не была, мне интересно. Мишку с семьей навещу. Да, именно об этом я тебе и хочу сказать, про квартиру. Я бы хотела пожить в ней, а не у Мишки на голове, мне кажется, это будет лучше. Вот я так ему и сказала – согнать жильцов на время, ничего страшного. Мамуля, ты у меня просто гений. Если он тебе позвонит, ты ему подтвердишь? Спасибо, я так и знала, что могу на тебя рассчитывать.

И тут моя мать в очередной раз доказала мне и миру свою гениальность. Я, не очень-то рассчитывая так легко получить ее согласие согнать Мишкиных жильцов, от успеха слегка расслабилась и, не ожидая больше никаких сложностей, чуть не пропустила решающий удар.

– Что у тебя случилось с Колей? – без всякой паузы спросила у меня мать тоном, не допускающим никаких уклонений.

Я сперва даже не поняла, думала – ослышалась.

– Чего-чего, мам?

– Что у вас там происходит с Колей? – повторила она, чтобы у меня не оставалось больше уж никаких сомнений.

– Да все нормально, мам, с чего ты взяла? – неубедительно промямлила я, проклиная свою расслабленность. Моя мать из тех, кто способен видеть сквозь камни, и я совершенно напрасно так быстро решила, что обошлось. Нет, куда там... Придется отдуваться.

– Вот только не надо делать из меня идиотку. Сперва ты не звонишь неделю, потом ни с того ни с сего срываешься в Москву и хочешь, чтобы я все это проглотила? Вы поссорились? – Это был даже не вопрос.

– Ну... В общем, да.

– Настолько серьезно?

– Насколько настолько, мам? Ну да, мы поссорились, уже несколько дней как, и я решила отвлечься, уехать ненадолго, на какое-то время, чтобы остыть и осмотреться. А что, нельзя? Чем Москва хуже любого другого места? Почему бы мне не отдохнуть?

– Москва не хуже, а лучше, хотя бы потому, что у тебя там квартира. Ты, конечно, могла бы приехать и к нам, но я не думаю...

– Мам, я обязательно к вам приеду, но...

– Не перебивай! А насчет Коли – я так и знала, что этим кончится, не переживай из-за этого слишком сильно, я всегда говорила, что он того не стоит. И если хочешь знать...

– Ма-ам! Перестань! Ну при чем тут Коля? Что кончится? Поссорились, с кем не бывает, как поссорились, так и помиримся. Не надо только мне рассказывать, что он меня не стоит, и как ты всю жизнь была против этого брака. Мы, между прочим, двадцать лет вместе прожили.

Вот всегда так. Двадцать с лишним лет, и она, как в первый день, не перестает мне рассказывать, какой мой муж козел. Почему-то ничто за все это время так и не смогло убедить ее в обратном – ни внук, ни успехи в бизнесе, ни дом – ничего. У меня уже выработался условный рефлекс защиты собственного мужа от собственной матери, в рамках которого я и включилась, хотя это и глупо до ужаса. Защищать мужа, от которого бежишь на край света. Может быть, сказать ей все, как есть, пусть порадуется, что была права все эти годы? Но нет, ни фига. Зная мать, можно быть уверенной – не будет она радоваться, а услышав, что я наконец развожусь, станет объяснять мне, какой он хороший. Этого я уж точно не вынесу. Лучше попытаться перевести стрелки на какую-нибудь безопасную тему.

– Да ладно, мам, что мы будем всякую ерунду обсуждать? Я сама справлюсь, ты не волнуйся. Скажи лучше, как там у папы дела? Выиграл свой турнир по гольфу? Нет? Ну ничего, передай, пусть не расстраивается. А как ты? Помирились с соседкой Фридой?

Мама и в самом деле отвлеклась на обсуждение своих отношений с соседями, которых она не любила, пожалуй, все-таки больше, чем моего мужа, потому что они жили в непосредственной близости. Опасность временно миновала. Через полчаса, дав двадцать клятв, что я непременно буду держать ее в курсе всех дел и звонить хотя бы раз в два дня, я повесила трубку, выдохнула и, совершенно измотанная этой беседой, пошла на кухню, чувствуя neodолжимую потребность немедленно что-нибудь съесть. Нервное, не иначе. Беседы с мамой всегда на меня так действуют. Проведя, к примеру, у нее в гостях три дня, я обычно поправляюсь на три килограмма. Потому что она меня все время воспитывает, а я все время ем, от нервов. Хотя в других обстоятельствах, вот как сейчас, я от тех же, казалось бы, самых нервов худею. Или это другие какие-то нервы?

Но это ладно. С квартирой я выяснила, с мамой тоже, это замечательно, но расслабляться рано. Нужно собрать вещи и заказать билет. Вернее, в обратной последовательности.

Открыв в интернете нужную страницу и просмотрев несколько сайтов продажи авиабилетов, я выяснила, что прямых рейсов из Бостона в Москву не существует, а надо лететь с пересадкой либо в Милане, либо в Лондоне, либо во Франкфурте и так далее. Почему-то мне в корне не понравилась идея всех этих пересадок – то время было неудобным, то стыковка слишком длинной, и вообще я не люблю лишний раз взлетать. В результате получасовых переборов удалось выяснить, что прямой рейс все-таки существует – из Нью-Йорка. Ну и отлично. Улечу из Нью-Йорка, подумаешь, большое дело, пять часов езды. Зато потом без лишних посадок.

Билет мне удалось забронировать только на следующий понедельник, но это как раз меня не слишком огорчило. Наоборот, мои планы обрисовались яснее – уеду сейчас, как и хотела, а эту неделю проживу в Нью-Йорке в гостинице. И квартира московская тем временем освободится, и я сама все-таки не сразу улечу в другое полушарие, а то мало ли что... Да, точно, все очень грамотно.

Я заплатила за билет, попросив прислать его для меня прямо в аэропорт Кеннеди, но компьютер нагло ответил мне, что этого вовсе не нужно, билет электронный. Вот тебе, Лиза,

номер, распечатывай и лети. Мне это показалось сомнительной идеей, но спорить я не стала – в конце концов, наверное, так тоже можно, прогресс – штука неуловимая, мог и до этого прийти.

Покончив с билетом, я снова погрузилась в интернет и нашла себе симпатичную гостиницу в центре Нью-Йорка, недалеко от Пятой авеню. Дороговато, конечно, по двести долларов за ночь, но не ютиться же мне целую неделю в сарае. А тут до всего пешком – и в музей, и в театр, и по магазинам. Миллионерша я или кто?

Билет, гостиница, что еще? Паспорт! У меня сохранился российский загранпаспорт, уезжали мы на учебу, и гражданства нас не лишали. Более того, все эти годы я аккуратно раз в пять лет ездила в российское посольство обменивать паспорта. Коля ворчал, потому что каждый новый паспорт стоил все дороже и дороже, а пользы от них не было, но я ездила. И стояла в очереди, и общалась с чиновниками, стиснув зубы, заодно получая прививку от тоски по родине. Но паспорт у меня оставался действительным. И сейчас должен быть, хотя я не помню, когда меняла его в последний раз. Нет, пяти лет еще не прошло, так что все в порядке.

Вытаскивая паспорт из сейфа в кабинете Ника, я бросила взгляд на коробочки с драгоценностями, хранившиеся там же. Взять их тоже? Они ведь мои, все это Ник дарил мне время от времени по всяким-разным поводам, вроде двадцатилетия свадьбы, которое мы отмечали всего лишь в прошлом году. Можно взять, только вот зачем? Держать в чемодане в гостинице и трястись, чтобы горничная не стянула? Носить их все равно практически некуда, как-то не принято расхаживать среди бела дня по городу увешанной бриллиантами, а больше я ведь никуда и не хожу. И даже та хилая светская жизнь, которую мне удавалось вести, была вся так или иначе связана с Ником и, соответственно, теперь тоже канула. Тем более что происходила она исключительно в Бостоне, из которого я уезжаю. Да, но если я их не возьму, Ник может отдать их зайчику? А и черт с ним. Хватит совести – пускай отдает, мне все равно.

Подумав, я все же взяла оттуда одну коробочку. Кольцо, которое Ник подарил мне как раз на эту последнюю годовщину, было очень красивым. Огромный, квадратный, темно-зеленый изумруд не в белом, как это обычно принято, а в желтом золоте, тяжелый, массивный, какой-то даже языческий. Ник говорил мне, что это кольцо похоже на меня. Наверное, что-то в этом было, потому что кольцо нравилось мне самой просто до дрожи, и не носила я его только потому, что боялась повредить в ежедневной домашней возне.

А теперь вот возьму и надену. Больше ничего брать не стану, а его возьму. И буду носить просто так, каждый день. Небольшую экстравагантность может себе позволить каждый!

Кольцо удобно село на средний палец правой руки, как будто там родилось. Чего я, дура, раньше его не носила, кому берегла? Хорошо, что хоть сейчас догадалась. Я покрутила кистью, любуясь, а потом, опомнившись, быстро заперла сейф и вышла из кабинета. Собираться, собираться, время идет.

Собиралась я всегда по одному и тому же методу. Раскрывала чемодан, вынимала из шкафа все вещи и распределяла их по мере надобности на две порции – одну в чемодан, другую обратно в шкаф. Обычно получалось очень быстро, но сейчас я, вывалив одежду кучей на кровать, забуксовала. Что брать, что не брать? Что может мне пригодиться в дальней дороге? Сейчас весна, почти лето, а если я задержусь до зимы? Нужны ли мне шуба и сапоги? А свитера? Когда мы уезжали, в Москве было невозможно купить ничего приличного, так что все может пригодиться.

А с другой стороны – путешествовать надо налегке! Особенно начиная новую жизнь. И потом, Москва, по слухам, теперь самый роскошный и богатый город мира, найду уж я себе там какую-нибудь шубу.

Я решительно покидала в чемодан вещи, руководствуясь девизом: «Умеренность и аккуратность. Остальное – купим!» Как раз уместилось все необходимое, и чемодан застегнулся. Отлично. Я еще в Нью-Йорке неделю проведу, так что, если что-то забылось, можно будет исправить.

Потом, подумав, я снова зашла в кабинет Ника и упаковала маленький ноутбук. Я бы лучше взяла свой собственный компьютер, но куда мне такой большой. А этот будет в самый раз. У Ника он все равно не один, переживет.

Довольная, я сволокла чемодан и сумку с компьютером в гараж и засунула в багажник машины. Тут до меня дошло, что ведь надо будет что-то решать и с ней. Хотя чего, собственно, решать-то? Она, в сущности, даже не моя. Машины в нашей семье менялись часто, и год назад Ник наконец уговорил меня, что покупать машину всего на три года – глупость. Гораздо удобнее заключить с дилером договор долгосрочной аренды. Платишь себе несколько сотен в месяц – и горя не знаешь. Сломалось что-нибудь – машину чинят бесплатно. И с продажей возиться потом не надо – сдал, взял новую. Вот и наклейка с телефоном на стекле.

– Шон Маклорен? Лиз Будберг. Шон, скажите, могу я к вам пригнать машину на профилактику? Да я что-то в тормозах не уверена. Мягкие они какие-то, да и масло пора менять, и инспекционная наклейка вот-вот истечет... Ну не могу же я так ездить. Давайте я вам ее пригоню на несколько дней, а вы мне пока в соседнем Рент-а-каре организуйте что-нибудь.

Вот и славно. Пускай Коленька потом ее и забирает, а арендованную я по приезде в Нью-Йорк сдам в такое же агентство Рент-а-кар. В Нью-Йорке все равно лучше передвигаться на такси.

Вернувшись в дом, я огляделась. Что я могла забыть, что нужно сделать напоследок? А, еще нужно предупредить Марсию, что я уехала. Я набрала номер.

– Марсия? Добрый день, говорит Лиз Будберг. Марсия, я попыталась вчера вручить мужу бумаги. Вы были правы, ничего хорошего из этого не вышло. В общем, мы только поссорились, и я решила на время уехать из дома, чтобы не усложнять обстановку.

Марсия совершенно спокойно подтвердила, что я приняла правильное решение и поинтересовалась, не применял ли муж ко мне какого-нибудь физического воздействия.

– Нет, этого не было. Абсолютно нет.

– Лиз, если все-таки что-то было, не надо это скрывать. Это только будет говорить в вашу пользу.

– Нет, нет. – Ведь стук в дверь не является физическим воздействием, правда?

– Лиз, но я вижу, вы напуганы, – настаивала Марсия. – Что же тогда? Он вам как-нибудь угрожал?

Я подумала, прежде чем ответить.

– Нет, Марсия, пожалуй, что и угроз прямых не было. Просто я показала ему бумаги, объяснила про алименты, про дом и про пакет акций, он, естественно, рассердился, вышел из себя и сказал, что не заплатит мне ничего. Мы покричали друг на друга, и я заперлась в спальне. Разговор так и остался незаконченным, и я уезжаю, потому что мне как-то не хочется его продолжать. Это неправильно?

– Это совершенно правильно, – сказала Марсия. – Вам незачем трепать себе нервы, Лиз, и я говорила вам, что и бумаги вы понесли сами зря. Все должно происходить по установленной законом процедуре, и так всегда лучше для всех.

– Марсия?

– Да?

– Скажите, пожалуйста, а все-таки... Может быть, то, что я сделала... Я до сих пор не уверена, что все это было правильным. Понимаете, муж... он говорил, что я его предала, что я трясу грязное белье, что мы могли все решить сами... Я думаю, может быть, он был прав? Ну, если не с точки зрения закона, то как-то... по человечески, что ли? Мне и самой кажется, что это не очень этично...

Марсия рассмеялась в трубку.

– Это фантастика, Лиз. Знаете, когда еще давно, в колледже, я читала Достоевского, это же ваш, русский, писатель, я совершенно не понимала характеров его персонажей. Мне посто-

янно казалось, что они делают что-то не то, особенно женщины, их поступки лишены всякой логики. Он ее бьет, а она на него молится. Но потом, когда я стала работать... У меня бывают и русские клиенты, и, глядя на них, я понимаю, что Достоевский был прав. Мне все равно это недоступно, но я вижу, что именно русскую душу он понимал очень правильно. Русским, особенно женщинам, так свойственна эта... Как бы сказать? Самопожертвенность. Вас обидели, унизили, обманули, вы убегаете из собственного дома, за который вам предстоит борьба – и вы спрашиваете меня, справедливо ли вы поступили с вашим обидчиком? И я вам скажу, Лиз, что ваш случай, к счастью, еще очень благоприятный, вы уходите не нищей с маленьким ребенком, и далеко не нищей, а бывает ведь и такое. И все равно – вас волнует, справедливо ли вы поступили? Поезжайте спокойно, Лиз, постарайтесь отвлечься и ни о чем не волнуйтесь. Все будет в порядке. Оставьте мне только на всякий случай свой телефон.

– Он не менялся.

– А вот это я посоветовала бы вам обдумать. Может быть, имеет смысл взять новый номер. Муж обязательно будет вас искать, зачем вам новые неприятности? Смените номер, скажите его мне, и вы будете в безопасности. В случае необходимости я сама вас с ним свяжу.

Я обещала ей обдумать этот вопрос, поблагодарила и распрощалась.

Ну вот. Теперь уж точно все. Я выкатила машину из гаража, вышла, чтобы закрыть за собой тяжелую дверь, обернулась на дом в последний раз. Неужели, действительно, в последний? А кто знает? Может быть, я и в самом деле больше сюда не вернусь. Жалко? Конечно. Тут прошло много моих лет, и все они были счастливыми до последнего времени. Но, может быть, это правильно – жизнь меняется, и мы должны не застыть в своих скорлупках, а меняться вместе с ней?

На ум пришли строчки откуда-то из русской литературы: «Прощай, дом! Прощай, старая жизнь! Здравствуй, новая жизнь!» Откуда это? Кажется, из какой-то пьесы Чехова. Ну, я сегодня вся такая литературная – то Чехов, то Достоевский. Что характерно, и классики-то все русские. Значит, так тому и быть. В Москву, в Москву! И уж точно я постараюсь построить себе новую жизнь. Для начала постараюсь как можно меньше думать о старой. Даже если это будет нелегко.

Неделя в Нью-Йорке прошла одновременно и спокойно, и суетно. Я, словно оставив в Бостоне вместе с прежней жизнью и все эмоции, к ней относящиеся, как-то отстранилась, отключилась, расслабилась и просто жила, как будто у меня отпуск. Спала до полудня, гуляла в Центральном парке и кормила уток, сидела в кафе. Ну, и делала попутно какие-то дела. Открыла несколько новых счетов в разных банках, перераспределив все деньги наиболее разумным, как мне казалось, образом и вернув Нику его часть с наших совместных счетов. Проконсультировалась у биржевого маклера и заложила для себя инвестиционный портфель. Может, это и была глупость, но мне хотелось, чтобы деньги не лежали совсем уж мертвым грузом, а как-то работали, а акции я постаралась выбрать с минимальным риском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.